

Р. С. С. Р.
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСНОАРМЕЕЦ

НОМЕР
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЕ

ВЕЩАЮЩИЙ МИР

№ 36-38

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЕ
1871 г.

отдел военной литературы
при
революционном военном
совете республики

191533

REPUBLIQUE FRANCAISE

LIBERTÉ - ÉGALITÉ - FRATERNITÉ

COMMUNE DE PARIS

Au Peuple de Paris
À la Garde nationale
CITOYENS,

Après de vaines tentatives, plus d'élus...
indignes l'État au Trépas, nos combats...
révolutionnaires à peine
Le Peuple ne s'élève plus à la
face à la main, du pavé au pavé
État monarchiste.
Aux armes citoyens,
semble dans les murs
Versailles, de ces
sions, et qui se
si nous
d'ennemis.
fière et agiles
armées, nous ne
résistance, l'ennemi
basta des trépas.
Citoyens, aux ar
mes de la Garde na
tionale, lève de
ce moment le
drapeau

REPUBLIQUE FRANCAISE
LIBERTÉ - ÉGALITÉ - FRATERNITÉ

COMMUNE DE PARIS

COMMUNE DE PARIS
SALUT PUBLIC

REPUBLIQUE FRANCAISE
LIBERTÉ - ÉGALITÉ - FRATERNITÉ

REPUBLIQUE FRANCAISE
LIBERTÉ - ÉGALITÉ - FRATERNITÉ

COMMUNE DE PARIS

SALUT PUBLIC

Armée de Versailles,
ne croira jamais que nous
avons des armes quand se posent
des véritables questions
de salut public.
ne plus laisser aux ennemis
de boire votre sang.
Mars, nous le ferons
comme des Français.
à la barre de la République.

18 марта.

Париж перешел рубикон.
Предателей шайка в Версале.
Над ратушей адость знамен
Рожденье Коммуны вещает.

Бьют сбор барабаны в фортах
И, площадь изрезав в квадраты,
С безумной отвагой в сердцах
Идут коммунары-солдаты.

Сносить оскорбленья века,
Быть щепнем империи зданья,
Довольно!—стальная рука
Не выпустит знамя восстанья.

Растут баррикады как сны,
Как сны расцветают надежды
И солнце сияет как прежде,
Горячее солнце весны.

Но ближе кровавый кошмар.
Чу!—запыл версальских орудий.
«Приклады ружейные к груди!
Стреляй же верней, коммунар!»

Пусть были разбиты мечты
Под пенью и свист митральезы,
Но зреют восстаний цветы
На плитах гробниц Пер-Лашеза.

И алое знамя как мак
Цветет на равнинах России,
И держит Великий Мессия
Над миром горящий маяк.

Н. Хохлов.

VIVE LA
COMMUNE!

Парижская Коммуна 1871 года.

50 лет назад французский пролетариат захватил власть в свои руки и установил свое правительство — Коммуну. Как ни кратки были дни славного существования и героический борьба Парижской Коммуны, ее великое дело не умерло и перешло к последующим поколениям, немолчно призывая к деятельной пролетарской борьбе, к борьбе за освобождение трудящихся всего мира.

Французскому пролетариату, пережившему ряд революций, пришлось остро ощутить на себе непримиримость своих классовых интересов и классовых интересов буржуазии. Пресмыкавшаяся перед пролетариатом в решительные моменты революционной борьбы, буржуазия изменяла ему на другой день победы. Особенно дорого стоил пролетариату вчерашний 1848 год, когда в кровавые июньские дни рабочие были растрепаны республиканско-буржуазным правительством. После 48 года рабочие на время как бы отошли от политики, они накапливали свои силы. В горниле тяжелых испытаний выковывалась знаменитая формула 1-го Интернационала. «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». В основании 1-го Интернационала (1864 г.) французские рабочие приняли ближайшее участие и это международное общество рабочих насчитывало много своих соотечественников во Франции. К 73-му году, когда империя Наполеона Третьего, и сквозь прогнившая, всем опротивевшая, революционная и социалистическая пропаганда стала снова широко развиваться в рабочих кругах.

Предчувствуя гибель, империя бросилась в военную авантюру; была объявлена война Пруссии. Эта война остановила на первых порах широкую социалистическую пропаганду. Но все же некоторые рабочие, наиболее проникнутые идеями Интернационала, пытались отправить мирный адрес немецкому пролетариату и ходили по улицам со знаменем «Да здравствует мир».

Бюрократическое правительство, сильное только в официальных отчетах, своей губительной политикой подготовило тот военный позор, ко-

торый потерпела французская армия, систематически разбиваемая врагом. Неслыханное поражение под Седаном и сдача в плен всей армии довершили дело: империя пала. (4-го сентября 1871 года). Власть захватила республиканская буржуазия, образовавшая временное правительство, — Совет Национальной Обороны. Рабочие видели, что новое правительство со своей умеренно-буржуазной и литкой мало удовлетворительно, но тем не менее, желая прежде всего отвлечь опасность немецкого вторжения, не шли против него. Но, борясь с войсками пруссаков под стенами Парижа, рабочие не забывали своей главной и конечной задачи — сокрушения власти буржуазии. Ряд газет и политические клубы в Париже способствовали единению пролетариев.

Буржуазия поняла грозящую ей опасность, она увидела, что внутренний враг для нее опаснее, чем внешний и начала выискивать средства скорейшего заключения мира.

Снова вышел на сцену в роли «спасителя отечества» Адольф Тьер, «этот карлик-чудовище», — по выражению К. Маркса, — в котором собралась, кажется, вся классовая испорченность буржуазии». Тьер и другие вожди буржуазии в тишине вступили в переговоры с пруссаками: народ был долгое время в неизвестности того, что творят эти политики. Но смутное недоверие и недолюбовство стали уже находить себе место в среде парижского пролетариата; позорная сдача главной крепости — Мена и слухи о мирных переговорах заставили его взяться за оружие и 31 октября произвести массовую демонстрацию. Во главе движения стояли старые революционеры — Бланки и Феликс Пиа; к рабочим присоединилась национальная гвардия Парижа, состоящая в большинстве из трудового народа. Восстание это было, однако, ликвидировано мирными средствами, но острое взаимное недоверие уже появилось. Сильный и объединенный пролетариат Парижа был страшен буржуазии.

28 января 1871 года была объявлена капитуляция на самых тяжелых условиях, и одновременно с этим в те-

чение самого короткого времени созывалось Национальное Собрание для окончательного утверждения мирных переговоров. Вся черная сотня мобилизовала свои силы, чтобы добиться успеха на выборах. И это было легко сделать: более трети страны находилось в руках пруссаков, которые также вмешивались в выборы и поддерживали черносотенцев, столица — передовой центр, была отрезана от провинций, пути сообщения испорчены. Монархисты всякого рода усиленно агитировали; темное

с горечью воскликнул: «Сельское большинство — позор Франции». С самого дня открытия заседаний Национальное Собрание не стеснялось проявлять свою ненависть к демократии и пролетариату.

1 марта Национальное Собрание приняло условия мира, по которым Франция лишалась двух громадных провинций и платила большую контрибуцию. Избавившись от войны, собрание решило приняться за подавление крамолы. Здесь на первой очереди стоял Париж. «Сель-

Защита баррикады на улице Риволи

Рис. Д. Моора.

и мало-образованное крестьянство, явившееся главным избирателем, голосовало за сторонников Тьера. Новое Национальное Собрание состояло из земледельческих и крупно-буржуазных элементов; первые преобладали и потому собрание по преимуществу было собранием сельских делегатов. Героем дня был Тьер, который был провозглашен главой исполнительной власти. Из 750 депутатов 450 было открытых монархистов; остальные были умеренные, очень умеренные либералы. Республиканец Гастон Кремье, убитый затем во время провозглашения Коммуны, уже на первом заседании собрания

ское собрание» издало несколько законов, на правленных прямо против населения столицы. Так, уничтожена была выдававшаяся национальным гвардейцам плата (1½ фр. в день); масса парижского населения только и жила ею. Другое правительство мероприятие было направлено против мелких торговцев. 10 марта было постановлено перенести заседание собрания в Версаль, но не в Париж.

Все эти меры, принимаемые Национальным Собранием, способствовали тому взрыву негодования, который поднял на борьбу парижский пролетариат. Уже заключение мира

легко всей тяжестью на беднейшее население столицы; крупная и средняя буржуазия спешно выезжала из города, а лица неимущие оставались на произвол судьбы, страдающие от голода, взволнованные и взвинченные различными слухами. Пролетариат организовывался около своих вождей. Парижское отделение Интернационала стояло на страже рабочих интересов. Федерация делегатов 26 парижских округов находилась также во главе революционно-настроенных кругов. Но особенно видная роль в начале движения принадлежала Центральному Комитету Национальной Гвардии.

Вызывающая политика Версальского правительства, день ото дня делающегося наглее, повлекла за собой страшный взрыв революционной бури; война внутренняя сменила войну внешней. Тьер и его приспешники, боясь революционно настроенной столицы, старались обезоружить население и захватить господство в свои руки. 10 марта было отнято жалование национальной гвардии. 18 марта утром по приказу правительства было отправлено несколько полков, чтобы разбойнически захватить артиллерию национальной гвардии. Но последние были на своих местах, готовая к решительному отпору, да и правительственные войска отказались сражаться и расстреляли своего генерала. Сейчас же вслед за этим пролетариат решил действовать; по всему Парижу стали строиться баррикады, и туда стекались вооруженные рабочие. Центральный Комитет должен был стать во главе движения.

Манифест, изданный Центральным Комитетом 18 марта 1871 года, гласил: «Парижские пролетарии, видя поражение и измену господствующих классов, поняли, что настал час,

когда сами должны спасти страну, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит необходимое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть».

Через 8 дней после переворота Центральный Комитет назначил выборы делегатов в Коммуну, которая и должна была стать революционным правительством. 227300 горожан голосовали за Коммуну; она составила из 90 чл нов, избранных 20-ю гарижскими округами. В главный день 28 марта народ восторженно приветствовал революционное правительство. Вот как описывает это народное празднество один очевидец—буржуазный писатель: «Один за другим выступали на площадь батальоны с музыкой во главе. Музыка играла марсельезу, которую подхватывали 50000 голосов. Этот вокальный гром волновал все души. Вдруг выстрел. Пение усиливается. Громкая волна значен, штыков, кеши движется, волнуется, теснится около страды. Пушки гремят, но их выстрелы слышны только в промежутках пения. Затем все голоса соединяются в одно восклицание, в один всеобщий голос бесчетной толпы, и у всех этих людей одна душа, как один крик: «Да здравствует Коммуна!»

Париж имел свое выборное правительство. Центральный Комитет, оставая власть, смело говорил парижанам: «Будьте братьями между собою и поручите братьям руководить вами: твердо и мужественно идите по пути будущего; проповедуйте примерами, доказывая другим ценность свободы, и вы наверное достигнете ближайшей цели—*осмирной республики*».

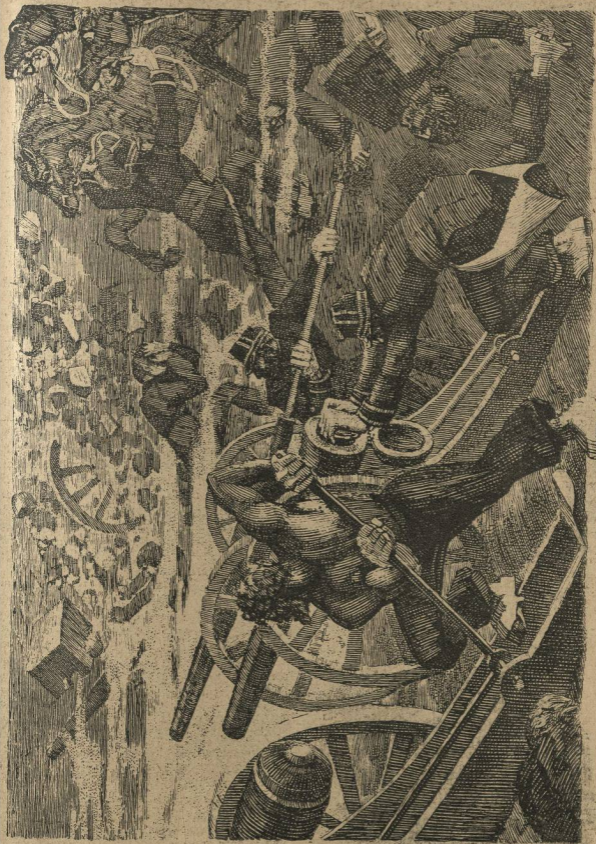
Немного более двух месяцев стояла Коммуна во главе Парижа. Но время это чрезвычайно богато историческими событиями. До сих пор летописцы этих событий с жаром ко обвиняют, то оправдывают деятелей Коммуны; история ее беспристрастная и с окойная еще далеко не написана. Конечно, нельзя сказать, что управление Коммуны было вполне идеально, но все же это было единственным правительством, где такую видную роль играл пролетариат. Если Коммуна и не осуществила всех социальных мероприятий, то не надо забывать в условный времени и пространства ее деятельности. Политическая борьба, осложненная гражданской войной, сильно мешала социальным реформам, но в целом, что было сделано, Коммуна показала, что она была правительством трудящихся масс прежде всего.

Перед переворотом 18 марта социалистические идеи были широко распространены

Ренные коммуны на двинностях Парижа.

Артиллерия коммунаров защищает верою Мано.

революционных партий; но на ряду с чистыми социалистами надо указать на политиков-социалистов и революционеров-демократов. В состав Коммуны входили как пролетарии, так и выходцы из революционно-настроенной буржуазии. Во главе партии, придававшей главное значение политической стороне движения, стояли Делеклоз, Феликс Пиа, Гамбон, Мюо и другие; они старались возродить идеи крайних революционеров времени Великой французской революции; идеи якобинцев 1793 года. Последователи Бланки пытались примирить старые политико-революционные идеи с новыми социальными учениями. Здесь были Вальян, Тридон, Ферре, Риго и другие. Чистый социализм был представлен Интернационалом, который насчитывал в Коммуне 17 членов. Здесь были Варлен, Малой, Авриаль, Лонге, Журд, Верморель, Беле и другие: все они, за небольшим исключением, были простые рабочие.

В противоположность якобинцам и бланкистам члены Интернационала отстаивали проведение в жизнь ясной и определенной социалистической программы реформ. Таким образом, необходимого единства среди деятелей Коммуны не было.

Несмотря, однако, на некоторые крупные расхождения внутреннего характера, Коммуна провела целый ряд важных реформ. 30 марта была уничтожена постоянная армия, и национальная гвардия была объявлена единственной вооруженной силой; в состав ее могли войти все способные носить оружие. Еще ранее были отменены декреты Национального Собрания относительно торговых обязательств. «Чтобы распределить равномерно потери, понесенные парижским населением от осады», Коммуна отменила квартирную плату с октября 1870 по апрель 1871 г.; тем, кто успел вне

сти плату, она должна была быть зачтена вперед. 1 апреля было установлено, что жалование для всех служащих Коммуны не должно превышать 6000 франков. 2 апреля было провозглашено отделение церкви от государства, и церковное имущество было превращено в национальную собственность. Коммуна усердно занималась вопросами народного образования, и для подробной разработки их была образована особая комиссия.

Весьма значительны были также социальные мероприятия Коммуны. 16 апреля Коммуна велела переписать все неработавшие фабрики и разработать план использования их рабочими союзами. 20 апреля была уничтожена ночная работа булочников; тогда же были уничтожены конторы для прискания работ, находившиеся под особым покровительством полиции. 27 апреля были запрещены штрафы и вычеты на фабриках. 28 апреля были уничтожены ссудные кассы.

Не забывала Коммуна и деревенской бедноты. Она издала особый манифест к сельским рабочим, который заканчивался таким призывом:

«Итак, Париж хочет: земли для крестьян, средств производства—для рабочих, работы для всех.

Плоды земли тем, кто ее возделывает.

Да не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных...

Да не будет более ни работы без отдыха, ни отдыха без работы.

Это—возможно. Для этого нужны только хорошие законы, которые и явятся тогда, когда трудящиеся не захотят больше, чтобы бездельники обманывали их.

Вам ясно теперь, что дело Парижа—ваше дело. Генералы, нападающие сейчас на Па-

рик—те самые, что предали Францию. Депутаты, которых вы выбрали, не зная их, хотят снова вернуть короля».

«Что бы ни случилось, помните: революции будут происходить до тех пор, пока не будут достигнуты: земля—крестьянам, орудия—рабочим, работы—всем».

Из этого краткого перечня мероприятий, сделанных в столь короткий срок, видно, как жизнеспособна была Коммуна, какими широкими задачами она руководилась. Но полному политическому и социальному перевороту еще не суждено было осуществиться.

Испуганная буржуазия, видя образование истинно-народного правительства, решила во что бы то ни стало уничтожить его. И сила была на ее стороне; массе еще не были доступны великие социальные идеи, буржуазия умело пользовалась этим и ловко убаюкивала ее еще непроснувшееся сознание. Все правление Коммуны есть героическая борьба пролетарского правительства с громадной буржуазной силой; пролетарии долго и стойко держались—одна смерть заставляла их покинуть свой пост. Вести о героической борьбе бедного люда облетели все страны, пробуждая ужас в душе господствующих классов и надежду в сердцах рабочих.

Версальское правительство повело военные действия против Коммуны с начала апреля, когда вооруженная сила его была слаба. Правильная война началась с 20 апреля, и с этого времени правительственная армия шаг за шагом подступала к Парижу, дорогой ценой покупая победу. Мы видим небольшую, но сильную объединяющей общей идеей группу пролетариев, с одной стороны, и обезумевшую от ярости и жажды крови армию обманутых солдат—с другой. Грустно следить за тем, как пла эта война. Перейдем прямо к кровавой развязке.

В 20-х числах мая версальская армия железным кольцом охватила Париж, началась «кровавая майская неделя». Коммунары постепенно отступали, дорого продавая победу врагу; последний, обладая громадной артиллерией и не жалея гранат и картечи, упорно рвался вперед. Париж представлял большое

поле сражения; ряд баррикад, которые рушились под орудийным огнем, свист пуль, треск горящих зданий,—такова была картина предсмертной борьбы пролетариата. В 11 час. утра 28 мая взята была последняя баррикада, защищавшаяся в последнюю четверть часа одним человеком.

Тьер был прав, говоря о коммунарах: «Земля Парижа завалена их трупами». Другой черносотенный вожь, генерал Мак-Магон говорил с уважением: «Между ними были такие, которые на баррикадах так и умирали с красным знаменем, думая, что борются за автономию и независимость Парижа». Но кровожадные инстинкты победителей не скоро удовлетворились; массы обезоруженных и пленных мужчин, женщин, детей служили жертвами обезумевших солдат. Ружья действовали достаточно скоро. Зато митральезы (род пулеметов) расстреливали сразу сотни. «Стена на кладбище Пер-Лазез», говорит Энгельс, — где произошло последнее избивание, стоит еще и теперь, как немой, но много говорящий свидетель бешенства, охватывающего господствующий класс, когда пролетарий решается выступить в защиту своих прав».

ПОПЫ ПОДСТРЕКАЛИ ВЕРСАЛЬСКИХ СОЛДАТ
И УБИЙСТВАМ.

По одним подсчетам в майскую неделю было убито около 35.000 человек; официальные данные, которые склонны убавлять красивые цифры, насчитывают 17.000 похороненных трудов, 5.000 посаженных в тюрьмы и сосланных. Надо заметить при этом, что число немецких солдат, убитых во всю франко-прусскую войну, было значительно меньше.

Теперь над мертвым и только потому безмолвным врагом торжествовала буржуазия. Провинция мало затронута была происходящими событиями; вековая тишина царяла в ее углах. Напрасно видные революционеры старались пробудить ее и заставить ее действовать наряду с Парижем. Русский революционер Бакуини пытался поднять Лион, считавшийся видным рабочим центром. В некоторых крупных городах и фабричных центрах, как Тулуза, Нарбонна, Лимож, Марсель, Крез, произошли, правда, восстания, но были весьма легко подавлены.

Но великое дело освобождения трудящихся всего мира, начатое Парижской Коммуной, не умерло вместе с ней. Коммуна послужила ярким примером, призывавшим к единению пролетариев всех стран. Даже в далекой России, где еще только пробуждалось классовое сознание рабочих, мы видим, какое сильное впечатление произвела героическая борьба парижского пролетариата. Через 8 лет после падения Коммуны русские рабочие из Одессы так приветствовали своих французских товарищей, вспоминая *день 18 марта*: «Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев,

сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы... Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за все человечество».

И мечты русских рабочих сбылись, историческая минута наступила. Теперь в знаменательный день 50-летия Парижской Коммуны освобожденный пролетариат России может достойно почтить свою славную предшественницу — Парижскую Коммуну.

И. Николин.

В и д е н и я.

Стихотворения Рудольфа Штамлера.

18 марта.

Ночь. Бегство. В небе — ни звезды.
Осклизлых гололей ряды
1. ри факелах.
— Не слышно ли погони?
Сбиваются и дымят дымит кони.

Дрожащий Тьер, со шёлкающим ртом,
Лицо, — при факелах, — зыбь отблесков на меди,
Колена в плече.
— Постой, Париж, что скажешь ты потом...
Париж сказал: Ко муна.

Мон-Валерьен.

Морщинистая каменная грудь,
Бойниц замшелых вски,
Версальские просеки
И на Париж змеистый серый путь.
Предатель форты. Громеда задрожала,
Забегали огни.
Картеж сплунут вала.
Распи его, распи!
Знать
Здесь начала Коммуну распинать.
Предатель форт, тебя я вижу ныне.

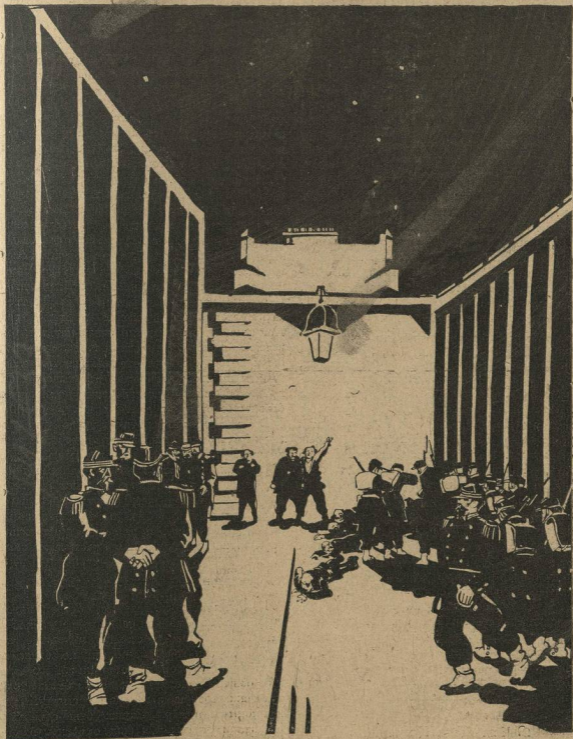
Немного осталось от твердыни:
Твой камень вышерблен в п сок,
Мост из распатанных досок,
Трава
Чуть видная, гнилая, как зараза,
В бойнице старой — старая сова.
Вспугнул ее — затыкалась безглазо.
И кажется, вся гниль, измена, грязь и зло
Навеки впитано вот этим камнем серым.
И камню тяжело,
Чья сочелась память с Тьером.

У фонаря.

Мрак,
Треугольник фонаря,
Висящий на гогатке.
Жестокый враг
Охотился не зря.
Крик. Кость, разбитая прикладом.
— Чего тут разбирать? Всею эту пададь — рядом...

Расправа коротка.
Камень обогр,
Со всеми кончили...
— Других найти б. не худо...
Ушли. И черных трупов грудой
Скрыл треугольник фонаря.

Перевод с немецк. Н. Славинский.

Расстрел коммунаров в тюрьме ля Ронетт.

Рис. Д. Моора.

Парижская Коммуна и Р. С. Ф. С. Р.

1. Наследница Коммуны.

Враги Советской России любят болтать насчет того, что октябрьскую революцию совершили не русские рабочие, крестьяне и солдаты, а что ее «придумали», «смастерили» одни большевики, «кучка большевиков». Взяли эти самые здравейные большевики, да и высосали из пальца всю эту революцию. Собрались «Ленин с Троцким», пустили в ход «китайцев и латышей», — вот вам и вся ихняя революция. Всякий красноармеец знает, конечно, что такие слова — чистейшая ложь. Делал революцию, впереди всех, рабочий, рабочего подержал крестьянин в деревне и крестьянин в армии — солдат. Знает каждый и то, что большевистская партия не из воздуха родилась, и не Ильич ее родил, а большевики — это наиболее сознательные рабочие и крестьяне. Корень большевистский вскормлен рабоче-крестьянской почвой.

И также врут наши враги, когда говорят, что большевики, и их программа, и вся русская революция не имеют связи с прошедшими временами. Нет, эта связь есть. Не было бы русских революций: 1905 года и февральской 1917, не было бы тогда и октября, или был бы он куцый. Все нарастает постепенно со ступеньки на ступеньку. Все революции одна с другой связаны, и не только русские, но и заграничные. И мы являемся законными преемниками этих революций. Из них мы выросли, на их ошибках и успехах учились, их дело продолжаем. И все действия большевиков выросли не только из борьбы русских трудящихся, но и из борьбы трудящихся всего мира. Большевики — не буржуазные проходимцы, которые зачались от разбойников на большой дороге и морских грабителей. Мы, а с нами вся русская революция, свою родословную ведем от давних седых времен, от первых борцов за народное дело.

Но больше: всего Р. С. Ф. С. Р. есть законная наследница Парижской Коммуны.

2. Чем была Коммуна.

Парижская Коммуна была *властью рабочих* города Парижа, это самое для нас важное, из-за чего мы ее поминаем добром и чтим. Этим она и отличалась от чужих французских революций. Были во Франции до того рево-

люции в 1789, потом в 1830, наконец в 1848 годах. Но во всех этих случаях власть попадала не в руки трудящихся, а буржуазии. А в 1871 году было совсем другое дело: тут власть захватили рабочие.

Среди руководителей Коммуны было очень много рабочих, мелких ремесленников. Так монетным двором заведывал Камелин, рабочий-бронзовщик; директором почты был Тейц, рабочий-чеканщик. С самого же начала своего существования Коммуна издала такие декреты: отделение церкви от государства; конфискации дворянских (феодалных) имуществ; заведение мастерских, хозяева которых бежали, передается рабочим; всюду организуются биржи труда; когда началась борьба с контр-революционерами, которые засели поблизости от Парижа в городе Версале, и стали расстреливать безоружных пленных рабочих, тогда Коммуна издала декрет о заложниках, и были взяты некоторые заложники из буржуазии; были перестроены учреждения, ведавшие взиманием податей; был издан декрет о строгом преследовании злоупотреблений чиновников; был перестроен суд и так далее.

Вся эта горячая работа по устройству новой жизни была прервана нападением версальцев, которые пошли на Париж открытой войной.

Началась ожесточенная гражданская война, классовая война пролетариата, желающего построить новый прекрасный мир, где всем бы жилось привольно, и буржуазией, которая в бешеной злобе цеплялась за свою старую власть, барыши и праздную, пьяную распутную жизнь.

3. Ошибки Коммуны.

Коммуна погибла, главным образом, потому, что остальная Франция ее не поддержала. Были отдельные рабочие восстания в десятке, примерно, других городов, но они не были связаны друг с другом, не было ни общего плана, ни общего руководства: это были только вспышки, костры, а не один громадный революционный пожар. Париж был отрезан от остальной страны. Он был окружен, во-первых, пруссаками (это было сейчас же после войны с Пруссией и немцы стояли под самым Парижем, при чем французская буржуазия готова была сдать свою столицу немцам, лишь бы подавить революцию: совсем как нынешние русские буржуа, изменники народа), во-вторых,

выходы из Парижа заширала белая гвардия версальских генералов.

Но беда Комм ны была не только в этом. Ее великое горе было в том, что не было в ней достаточной *решительности*. Не энергично она действовала. Почему? Потому что не было в Коммуне *одной руководящей главной партии*. Тут были и социалисты, и анархисты, и даже буржуазные либералы. Не было у Коммуны такой крепкой, единой партии, как в России—партия большевиков-коммунистов.

А где нет единства, там нет и решительных действий.

И вот Коммуна сделала четыре крупных ошибки.

Первая ошибка. Коммуна выпустила из Парижа контр-революционные войска. В день 18 марта, и даже после него, полк за полком уводили белые генералы свои войска из Парижа и Коммуна их выпустила. А потом эти же войска, собравшись с силами, повели наступление на Париж. Нужно было эти войска задержать, обезоружить, а генералов арестовать, а Коммуна их выпустила.

Вторая ошибка. Коммуна очень мало позаботилась об организации своих военных сил, своей армии. Сплошь и рядом во главе военного дела ставились совсем не военные. Бывали частые случаи, когда на позиции подавались снаряды, неподходящие к пушкам. Некоторые форты крепости, обороняющей подступы к Парижу, оставались несколько дней свободными, пустыми, потому что из них ушли белые. И Коммуна эти форты не заняла. И они были заняты снова белогвардейцами, посланными из Версаля.

Так беспечно, легкомысленно, неумело действовали коммунары.

Третья ошибка. Во всякой борьбе огромное значение имеют деньги. Это ясно для каждого. И вот, в Париже были почти все денежные средства Франции, а Коммуна или не воспользовалась. В Париже находились Государственный банк, казначейство, множество частных банков, где хранились деньги буржуазии, ее ценные бумаги, драгоцен-

ности. И Коммуна ко всему этому не прирониулась. У нее нехватало средств для уплаты жалования солдатам и служащим, для печатания газет и другой агитационной литературы,—да мало ли для чего.—А тут же, под носом, лежали огромные богатства. Коммуна была черезчур щепетильна, слишком нерешительна, робка по отношению к деньгам государства и буржуазии.

Четвертая ошибка. Коммуна дала версальским белогвардейцам отдышаться, собрать свои силы, выработать план нападения на Париж. В первое время буржуазия растерялась, не имея под рукой большой армии. Если бы Коммуна с самого начала сама перешла бы в наступление против версальских белогвардейцев, то дело приняло бы совсем другой оборот. Белая гвардия была бы задушена в самом зародыше; были бы открыты пути из Парижа в остальную Францию.

Но Коммуна этого не сделала. Она дала белым собрать свои силы. И потом уже они напали на Париж.

Через 72 дня, в конце мая, Коммуна погибла. Белые негодия ворвались в Париж и устроили рабочим ужасную кровавую баню. Целую неделю шли убийства; так ее и прозвали, эту неделю (с 21-го до 29-го мая): «Кровавая неделя». Белые убивали безоружных мужчин, женщин, стариков, больных, детей, раненых. Буржуазные дамы и сарыни зонтиками и палками добивали раненых, притом издеваясь над ними.

Было убито около *тридцати тысяч* человек. Около *пятидесяти тысяч* было брошено в тюрьму, послано на каторгу. Многие из них погибли в тюрьмах.

Так отомстила рабочим буржуазия.

Коммуна действовала нерешительно. Но защищалась она героически. Бывало, что какую-нибудь уличную баррикаду защищал *один* человек, защищал, куда не падал мертвым. Дрались женщины; бились даже дети. Коммунары умели умирать за правое дело.

Мы чтим Коммуну, как первую в мире рабочую власть. Мы чтим ее мертвецов—с

ГЕНЕРАЛЫ РАССТРЕЛИВАЛИ СТАРИНОВ

славных героев, умевших подставлять грудь свою пулям.

Всечная память им. А мы—мы будем донимать дело, ими начатое.

Но чему учит Коммуна? Какие уроки дает она нам? Вот какие.

Первый урок. Как на войне должен быть единый штаб, так в революции должна быть единая руководящая партия. Такой партией у Коммуны не было. Такая партия—Р. К. П.—у Р. С. Ф. С. Р. есть. Эта партия вела Россию к победам. Она приведет ее и к окончательной победе.

Второй урок. В революции, как и во всякой борьбе, нужно действовать решительно и до конца. Если взялись свергать буржуазию, то нужно самым свирепым образом, вплоть до чрезвычайек, подавлять ее сопротивление. Иначе она оправится. Это Коммуна делала слишком робко. Мы же это проводим всеми мерами.

Третий урок. Нужно забрать в свои руки всю государственную машину. Нужно, в первую голову, забрать банки, деньги, ценности. Этого Коммуна не сделала; мы сделали.

Четвертый урок. Один город, хотя бы столица, без поддержки остальных городов и без поддержки со стороны деревни победить не может! Коммуна этой поддержки почти не имела. Русский пролетариат эту поддержку имел и имеет, крестьянство бьется рука-об-руку с рабочими. Поэтому Р. С. Ф. С. Р. побеждала и победит.

Вечная память и вечная слава Парижской Коммуне, великому зачинателю! Будем ее помнить и любить. Будем учиться на ее делах и ошибках.

Будем, товарищи, помянуть ее делом: борьбой нашей, трудом и победами.

Славные каменщики были Парижские Коммунары. Они заложили фундамент нового мира. Будем на нем строить свой дом.

Славные были они сеятели. Землю удобрили своей горячей кровью. Кинули в нее семена свои. Они дали уже всходы. Зеленеет нива нового мира—Р. С. Ф. С. Р. Мы должны, товарищи, эту ниву делять. Будем дружно бороться и работать, и она даст тогда богатый урожай.

Этот урожай будет—Всемирная Коммуна свободных и счастливых трудовых людей.

Г. Бергман.

Кто были коммунары 1871 года.

Парижская Коммуна боролась за дело коммунизма, за интересы пролетариата. Поэтому из защитников коммуны большинство были рабочие. Данные официальной следственной комиссии указывают на профессии осужденных коммунаров: среди них было:

Писателей	2901
Слесарей-механиков	2664
Каленников	2293
Приказчиков	1598
Сапожников	1491
Служащих	1085
Малыров	863
Типографских рабочих	819
Климентов	766
Портных	681
Столяров	1659
Столяров-полюбовников	636
Ювелиров	528

Плотников	382
Кожевников	347
Скульпторов	283
Жезляников	227
Литейщиков	224
Шапочников	210
Портных	206
Басовщиков	193
Чаровников	179
Позолотчиков	172
Обойщиков	159
Формовщиков	159
Картонажников	124
Переплетчиков	106
Преподавателей	106
Инструментальщиков	98 и т. д.

Это—цифры далеко неполные, так как взяты они из следственных материалов ценных судов.

18 марта.

марта в три часа утра по всем направлениям: на холмах Шомона, в Бельвиле, в предместье Тампль, на площади Бастилии, у Дюмы, на площади С.-Мишель, в Люксембурге, в XIII округе, у Инвалидов—езде

раскidyваются летучие войска без провианта, без ранцев. Генерал Сюсбиель с двумя бригадами (около 6 тысяч человек) двигается к Монмартру. Квартал спит. Бригада Патюреля без одного выстрела захватывает Мулен де ла Галетт. Бригада Леконта проникает в башню Сольферино, встретив только одного часового, Тьерена. Он беретса за штык, но жандармы убивают его, кидаются в караульную улицу Розье, овладевают ею и бросают стражей в погреба башни. Также врасплох захвачены пушки и на холмах Шомона и в Бельвиле. Правительство торжествует всюду. «Д'Орель посылает в газеты победоносную прокламацию; она появляется в некоторых вечерних листках. Нехватало только времени и лошадей, чтобы воспользоваться плодами этой победы. Вижу почти забыл об этом. Только в восемь часов на али впрягать лошадей для переозки пушек, среди последних многие были в беспорядке, без передков.

Предместье между тем просыпается; открываются утренние лавочки, около молочниц, около винных торговцев слышится шопот, указывают на солдат, на пушки, нацелившиеся на людейе дороги, на стены с влажными афишами, подицианными Тьером и его министрами.

Как и в дни революции, женщины выступили первыми. Женщины 18 марта, зкаленные осадой, когда на их долю приш ось явное страдание, не дожидались своих мужей. Окружив митральезы, они обращаются к начальнику: «Это подло. Что ты делаешь.» Солдаты молчат. Иногда унтер-офицер скажет: «Проходите, добрые женщины, проходите». Но его голос не строг, и они остаются.

Вдруг бьют сбор. Солдаты национальной гвардии нашли в караульне у иппо Дудевилль два барабана и проходят через XVIII округ. В восемь часов они, уже в числе трехсот солдат и офицеров, идут по бульвару Орнано. Выбегает караул 88 полка; национальная гвардия кричит: «Да здравствует республика», караул следует за ней. Присоединяется караул

улицы Дежан, и с ружьями наперевес солдаты и гвардейцы, перемешавшись, поднимаются по улице Мюле ведущей к валам, занятым с этой стороны также солдатами 88 полка. Последние, увидев среди гвардейцев своих товарищей, делают им знак, что пропустят. Генерал Леконт, заметив движение среди войск, приказывает заместить солдат го; одскими сержантами, а тех заключает в башню Сольферино, добавляя: «Ваш расчет верен». Едва заместители успевают сдять несколько выстрелов, как гвардейцы и солдаты озищают бруствер, масса других гвардейцев с ружьями наперевес, женщины и дети проходят через улицу Розье на противоположную сторону. Окруженный Леконт три раза командует стрелять. Его солдаты не поднимают ружей. Приветствуя их, как братьев, толпа соединяется с ними, арестовывает Леконта и его офицеров. Солдаты, только что запертые им в башню, хотят его расстрелять. Гвардейцы вступаются и, с большим трудом, так как толпа принимает его за Виана, — просят и Леконта, и офицеров в Шато-Руж, главную квартиру монмартрских батальонов. Там от него требуют приказа вывести войска с валов и он подни сывает его без колебания.

Приказ отнесен офицерам и солдатам, занимающим улицу Розье. Жандармы отдают ружья и кричат: «да здравствует республика». Три холостых пушечных выстрела возвещают Парижу о взятии валов.

Назевот Леконта генерал Патюрен гапрасно пытается спустить по улице Лепик несколько пушек с Млен де ла Галет. Толпа остановила лошадей, обрезала поводья, отпустила солдат и на руках отвезла пушки на валы. Солдаты, охраняющие нижнюю часть улицы, площад Блаш взяли ружья наперевес. На площади Пигалль генерал Сюсбиель приказывает стрелять в толпу, собравшуюся в улицу Гудон. Испуганные криками женщин, стрельки поворачивают своих лошадей назад и вывывают смех. Один запитал с саблей в руке бросается вперед, ранит гвардейца и падает пронзенный пулями. Генерал Сюсбиель исчезает. Виана, находящийся на площади Клиши, поворачивает лошадь. Около шестидесяти взятых в плен жандармов гвардейцы ведут в мэрию Монмартра.

И на холмах Шомона, и в Бельвиле, и в Люксембурге, народ останавливает и отнимает

свои орудия. На площади Бастилии, где генерал Лефлю избегает плена, народ братается с солдатами. Минутой на площади царит глубокое молчание: впереди длинной процессии, за гробом, прибывшим со станции Орлеан, идет старик с обнаженной головой. Это Виктор Гюго провожает на кладбище Пер-Лашез тело своего сына Шарля. Федераты отдают честь и полукрывают баррикады, чтобы пропустить славу и смерть.

К одиннадцати часам толпа везде отбила нападение, сохранила почти все свои пушки, исключая десяти, которые были увезены, захватила тысячи ружей. Батальоны федератов наготове; мостовые пред естий вломаны.

Напрасно Д'Орель-де-Паладин приказал с шести часов утра бить сбор в центральных кварталах. Из всех батальонов когда-то арых сторонников Трошю, собралось только человек 20.

Тьер и министры спрятались в министерстве иностранных дел. Узнав о беспорядках в войсках, Тьер отдал приказание отодвинуть их на Марсово поле. Оставленный гражданскими батальонами, он говорил об эвакуации Парижа и о перевозке войска в Версаль. Большинство министров высказало в против этого и высказали желание сохранить некоторые пункты: думу, казармы, занятые бригадой Деррожа, военную школу, и хотели занять позиции на Трокадеро; маленький человек, не желая слушать никого, кроме крайней партии, приказал починуть не только город, но даже и южные форты, 15 дней тому назад возвращенные пруссаками. Около трех часов перед зданием прошли церемониальным маршем, с трубачами и барабанщиками впереди, народные

батальоны Гро-Каййо. Министры считали себя погибшими.

Тьер скрылся по потайной лестнице и бежал в Версаль. Он так растерялся, что на Северском мосту отдал письменный приказ вывести войска из Мон-Валериана.

Между тем Варлен занял Батиньоль, Бержере—Монмартр, Дюваль—Пантеон, Пенди—III округ, Фальго—улицу Севр. Непринадлежащие к Комитету, Ранье и Брюнель действовали в Бельвиле и X округе.

Мало-по-малу батальоны федератов перешли в наступление. Брюнель окружил казармы принца Евгения, занятые 120 армейским полком, вполне готовым присоединиться. Двери были вломаны. Заносчивого командира с его офицерами Брюнель приказал посадить в тюрьму. Оттуда, по улице Тампль, он спустился к Думе. Пенди направился туда же улицей Вельдо-Тампль и Ранье по набережной.

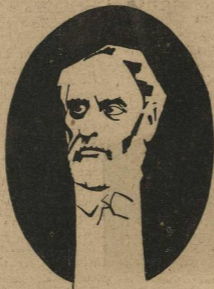
Национальная типография захвачена в пять часов. В шесть выламывают двери Наполеоновских казарм. Раздается залп, падают три человека. Это стреляли жандармы. Солдаты кричат в окно: «Да здравствует республика». Потом открывают двери и отдают свои ружья.

В семь с половиной часов Дума окружена. Жандармы, занимавшие ее, убегают подземным ходом казарм. Лебэ, Жюль Ферри и Варб, совершенно покинутые своими людьми, оставленные правительством без приказаний, около восьми с половиной часов также уходят. Немного спустя на площадь является отряд Брюнеля и занимает общественное здание, пустынное и темное. Брюнель приказывает зажечь газ и поднять на башне красный флаг.

Из Лиссажр.

Коммунары 1871 года.

Делеклюз, Шарль Луи.

Старик с белой головой, худой, с энергичными чертами лица и гордым взглядом, образец честности и безкорыстия, якобинец, точно вылитый по модели бронзовых фигур людей Конвента, которых он был последним и наименее прекрасным представителем в наши дни.

Вся жизнь его была одной непрерывной борьбой за то, что он считал правом, справедливостью, истиной.

Ни поражения, ни преследования—во время империи он был сослан в Кайенну—ни страдания, физические и нравственные, ни годы, ничто не могло ослабить его зрень и безграничной преданности.

Чтобы лучше служить Революции, он отказался от семейной жизни, никогда не женился и жил вместе со своей матерью и сестрой.

Никогда не знал он ни сомнения, ни изнеможения, ни даже усталости. Он жил и умер без страха и упрека.

Но особенно прекрасен был его конец. Посланный сперва депутатом в Бордо, он был выбран затем в Коммуну и явился не колеблясь туда, куда призвал его народ.

А между тем, он принадлежал к поколению, пропущенному насквозь идеями единства, правительственной диктатуры, исполненному веры в государство и мало знакомому с вопросами

социальными. Очень скоро он должен был заметить, что дело, которому он отдавал свою жизнь—дело Коммуны—шло, вразрез с некоторыми из наиболее дорогих его убеждений.

Но Делеклюз выше своих убеждений ставил Революцию. В этом железном человеке не было ни малейшей черты доктринера. Это был фанатик, а не догматик. Он не принадлежал к числу тех, которые укладывают Революцию в одну формулу и восклицают: «Вне моей церкви нет спасения».

Вот почему, хотя он и не разделял вначале всех стремлений борцов Коммуны, хотя некоторые из этих стремлений или прямо противоречили тем политическим верованиям, которым была посвящена вся его жизнь, или же обнаруживая новые стороны вопросов, посеяли сомнение и смущение в его голове, прирешкой к совершенно иного рода представлениям,—тем не менее, нужно издать ему справедливость, он ясно понял программу Коммуны, он согласился с нею и принял все ее выводы во всей их силе.

Его органические, так сказать, симпатии не влекли его к Коммуне, но там был народ, там была его воля.

И Делеклюз с твердостью преклонился перед нею.

Варлен.

Варлен—это сам юный народ, поднимающий голову, овладевающий наукою, и порывом героизма отождествляющийся с Социальной Революцией, которой он—верный прирожденный представитель, которой он—тело и кровь.

Он родился в 1839 году от бедных крестьян департамента Сены и Марны. На тринадцатом или четырнадцатом году он пришел в Париж и поступил учеником к одному переплетчику.

В то время он не умел ни читать ни писать. Но у него хватило энергии самому образовывать себя, урывая время от тех немногих часов отдыха, которые оставляла ему работа в мастерской.

Он начал свою революционную работу, как главный деятель общества сопротивления рабочих переплетного мастерства. Затем он был основателем первых социалистических кухмистерских в Париже. Наконец, сделался одним из первых членов и неутомимейших агитаторов Интернационала во Франции.

Молодая, прекрасная голова, покрытая уже седыми волосами, глубокий взгляд черных глаз, задушевный и ровный голос и исполненное достоинства обращение.

Роль Варлена в Коммуне известна.

Он говорит в ней мало, а делал много. Занимался он в ней, преимущественно, адми-

нистрацией финансов вместе с Журдом, но впоследствии перешел в интенданство, где мог приложить во всем их размере свои громадные организаторские способности.

Когда в Париж вошли версальцы, он героически сражался до последней крайности и под конец был взят в плен победителями Коммуны.

Со связанными назад руками, осыпавший ударами и бранью толпы подлецов, бесновавшихся вокруг него, покрытый плевками, грязью и кровью, он был водим ими по улицам Монмартра в течение двух с лишним часов, чтобы продолжить с утонченным зверством его предсмертную агонию.

Но и эта долгая пытка не могла поколебать его могучую натуру.

Бледный и спокойный, без слова, без движения нетерпения, гнева или слабости, он обводил палачей своих глубоким взглядом.

Наконец, пули прекратили его мучения.

Он был так велик в своем бесстрашии, что даже его враги и палачи не могли не отдать ему справедливости.

Вот рассказ о его смерти, взятый целиком из одного реакционного журнала того времени.

«Варлен, арестованный на улице Лафайет, был поведен к Монмартру».

«Толпа росла все более и более, так что с большим трудом удалось достичь подошвы Монмартрских высот. Здесь пленник был приведен к какому-то генералу, имя которого ускользнуло из моей памяти. Дежурный офицер подошел к нему, что-то шепнул ему и тот проговорил в ответ: «там за этой стеной».

«Кроме этих четырех слов я ничего не мог расслышать, и, хотя в смысле их нельзя было сомневаться, мне все-таки хотелось видеть до конца последний акт жизни одного из творцов этой ужасной драмы... Но мнение общества решило иначе».

«Когда осужденный был приведен на указанное место, чей-то голос, тотчас же подхваченный другими, стал кричать из толпы: «Слишком рано, нужно еще поводить его».

«Печальная процессия двинулась снова. Пришли на улицу Розье, но главный штаб помещавшийся на этой улице, воспротивился казни».

«Пришлось снова вернуться к Монмартру в сопровождении всей этой толпы, увеличивавшейся притом на каждом шагу».

«Картина делалась все более и более злобшей. Человек этот, хотя знал с самого начала об ожидавшей его участи, шел такой смелой и твердой поступью, что несмотря на все преступления, которые он мог совершить, зритель невольно начинал сам страдать при виде такой долгой агонии».

«Но вот, наконец, осужденный прибыл на место казни. Его приставляют к стене; но пока офицер выстраивает солдат, готовясь командовать залп, один из солдат, конечно, вследствие недостаточного искусства в ружейных приемах, спустил курок. Но ружье дало осечку. В ту же минуту раздался залп, и Варлен упал».

«Тотчас солдаты, опасаясь, что еще не умер, кинулись прикончить его ударами прикладов. Офицер сказал им: Видите, он умер, оставьте».

Таков рассказ врага, одного из тех диких зверей, которые яростно кинулись на побежденный народ и бегали на казни, как на праздники.

Этот рассказ, хотя и умышленно смягченный, говорит о подлой свирепости палачей и о героизме жертвы более, чем могли бы сказать целые томы.

Эта картина—живая забыть которую невозможно.

Таков был конец Варлена, увенчавшего мученичеством жизнь, целиком посвященную на служение праву и правде.

Флуранс и Дюваль.

Один из них—простой рабочий, как Варлен; другой—сын одного из сановитых ученых своего времени, профессора, академика, члена института—Флуранс.

Оба они отдали жизнь за то же дело; а они дали бы ему и победу, если бы героизм, посвященный на служение справедливости, был достаточен, чтобы восторжествовать над хитрой организацией буржуазного государства, этого сторукого чудовища, сторожащего привилегию и эксплуатацию против правды и справедливости.

Оба они были молоды; оба, как Делеклюз и Варлен, заседали в Коммуне; оба командовали отдельными отрядами на вылазке 3 апреля, когда Париж в единодушном порыве поставил на ноги свои двести тысяч человек, которых Тьер выставил перед Францией, как «горсть разбойников, бежавших с каторги».

Густав Флуранс давно уже стал известен своей смелой борьбой с Империей. Странствующий рыцарь Революции, он ездил в Кандию сражаться против турецкого деспотизма за восставший греческий народ. По возвращении в Париж он снова возобновляет борьбу в «Мар-

Густав Флуранс.

сельезе» и в публичных собраниях. Во время осады, будучи командиром батальона, 31 октября он сделал попытку спасти Париж и Республику. Правительство «Народной обороны», которое он имел слабость пощадить, посадило его в Мазас, откуда он был освобожден народом 21 января.

4 апреля он был захвачен врасплох в Рюэиле отрядом жандармов, окруживших дом, в котором он хотел отдохнуть на несколько минут. Он пытался защищаться, но один капитан, по имени Демарте, рассек ему череп таким свирепым ударом сабли, что мозг брызнул наружу.

Труп его был брошен в гроб и отправлен в Версаль, где на него ходили смотреть светские дамы, эти «суки», как называет их поэт в негодующем стихе, бегавшие лизать кровь раненных и ковырять раны пленных¹⁾

Дюваль — этот был интернационалист — простой литейщик. Всего несколько дней заседал он в Коммуне, где тотчас же обратил на себя внимание своей энергией, деятельностью и мужеством, исполненным хладнокровия.

Его взяли в плен вместе с его отрядом в Шатильонском плато, после отчаянной борьбы.

Он и его отряд окружены; зарядов больше нет.

— Сдавайтесь, ваша жизнь будет пощажена, говорят им от имени генерала Делле, командовавшего войсками.

Они сдаются.

Тотчас же версальцы хватают солдат регулярной армии, сражавшихся в рядах федералистов, и тут же расстреливают их.

Впоследствии маршал Мак-Магон миаует такого же маршала Базена, виновного всего лишь в том, что он сдал неприятелю Мец и свою армию.

Прочих пленных окружают двумя рядами стрелков и везут в Версаль.

По дороге встречается им Винуа, тот самый, который с удовольствием принял на себя грязное дело сдачи Парижа.

Он спрашивает: «Кто тут начальник».

— Я, — отвечает Дюваль, выступая вперед.

Другой выступает вслед за ним.

— Я — начальник штаба Дюваля, говорит он.

Из рядов выступает третий.

— Я — начальник штаба вольтонтеров, — говорит он и становится рядом с двумя первыми.

— Вы все — сволочь паскудная, говорит Винуа на своем языке кордегардии, — я всех сейчас расстреляю.

Дюваль и оба его товарищи, не удостоив его даже ответом, сами становятся к стене, снимают шинели и с криком:

— Да здравствует Коммуна — падают пориженные пулями

Это были первые мученики Коммуны. Версальцы только что начали ту бойню, которая должна была окончиться истреблением целого населения.

Они были первыми и самыми счастливыми. Они умерли с верою в победу: это была, ведь, только первая битва. Позади себя они чувствовали Париж, грозный и могучий

Честь вам и благодарение, мученики часа первого.

Верморель.

Этот был тоже молод. Родился он в 1841 году. Имя свое сделал известным публицистикой.

Подобно Делеклюзу, подобно Флурансу, он покинул, отряхнув пыль от своих ног, лагерь буржуазии, чтобы вложить свою руку в руку народа, жить, сражаться, умереть с ним за него.

Но Верморель воспитывался к тому же в иезуитской семинарии. И он все преодолел, даже клерикальное воспитание, даже ядовитое влияние иезуита.

Основав газету «Французский курьер», он одним из первых во время Империи поднял знамя социализма.

Клевета была ему наградою. В течение долгого времени и в среде революционной партии он считался подозрительным.

Когда его выбрали в Коммуну, он находился в отсутствии; но он тотчас же явился на зов. Он не верил в победу и не обольщался иллюзиями. Но он, не задумываясь, пошел туда, куда звала его честь и опасность.

Здесь он не замедлил сделаться одним из главнейших ораторов собрания и обнаружил деятельность самую неутомимую и самую разностороннюю. Он регулярно присутствовал на всех собраниях в Городской Рагуше, принимал деятельное участие в работах своей комиссии; когда не мог говорить лично — писал; если требовалось, он бегал по аванпостам; был, одним словом, везде и повсюду, где считал себя способным оказать какую-нибудь услугу, где находил нужным исполнять какую-нибудь обязанность.

¹⁾ Резной ручкой своих шелковых зонтиков...

Когда версальцы вошли в Париж, этот лирик, этот журналист, в которых не было тени солдата, прошлая жизнь которого была вся—наука, вся—умственная работа, этот человек вдруг преобразовывается, принимает участие в битвах, возит фургоны, разносит приказы, является повсюду, где опасность наибольшая, рискуя быть убитым двадцать раз в час.

Наконец, он падает пораженный пулею.

Его уносят, стараясь укрыть. Но его открывают и несут пленником в госпиталь, где он медленно умирает.

Как мучительна должна была быть эта агония—продолжительная агония под караулом версальских тюремщиков, вдали от своих, без возбуждения боя, в самый разгар* этой мрачной и кровавой гибели первого города в мире в благороднейшего дела в истории.

Несколько часов перед тем, как быть раненым, Веморель, призвавший снаряды в Монмартр, встретился с Ферре.

— Видите, Ферре, — сказали ему, намекая на некоторые печальные разногласия, происшедшие в Коммуне, — члены меньшинства исполняют свой долг.

— Члены большинства исполняют свой, — ответил Ферре.

И оба эти человека, которые должны были так скоро умереть и тот и другой, расходятся с этими гордыми словами.

Ферре

Невозможно забыть эту бледную, сухую, энергичную фигуру и это лицо, пересеченное длинным, падавшим прямо на рот, носом, и эти черные глаза с быстрым мрачным взглядом.

В Коммуне он редко принимал участие в прениях. Он занимался полицией вместе с Раулем Эгго, которого под конец и заменил в качестве делегата при префектуре.

Всегда спокойный, обыкновенно молчаливый, несколько холодный на вид, этот человек вмещал железную волю и мужество героя в слабом и хрупком теле.

Это была натура экзальтированная, хотя и сосредоточенная, напоминавшая своим сдержанным энтузиазмом и несокрушимой волей тех реформаторов XVI века, которые повторяли свое исповедание веры среди пламени костров.

Пред лицом военного совета, приговорившего его к смерти при самых грубых оскорблениях, он был величествен своим холодным спокойствием и презрением к палачам, которых победа перерядила в судей.

За час до казни он написал сестре письмо без фраз, в котором объявляет себя полным атеистом и материалистом.

В течение двенадцати недель со дня произнесения приговора он ждал смерти.

Версальцы умышленно продолжали предсмертные муки осужденных, надеясь такой пыткой сломить эти героические души.

Гастон Кремье, из Марселя, был казнен шесть месяцев спустя после своего приговора.

Но палачи ошиблись.

«Ни один из них не изменил себе». Все, как на улицах, так и у столба Сатори¹⁾, как неизвестные, так и знаменитые, как в темном закулке, так и перед глазами истории, все умерло бестрепетно, с выско поднятой головой.

У Ферре, как и у

прочих, была своя Голгофа.

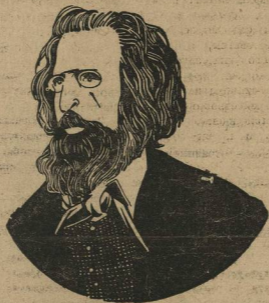
Мать его умерла сумасшедшей с отчаяния.

Брата его держали, как помешанного, в одной из версальских клеток.

Отец его был в плену.

Сестра его, 19-ти лет, осталась одна в этом ужасном одиночестве, населенном призраками убитых или помешанных, между только что засыпанной могилы матери и только что вырытой, зияющей могилы, ожидавшей ее брата.

Безрлвная, гордая, непоколебимая, достойная брата, которому предстояло умереть, она работала день и ночь, чтобы жить самой и приносить каждую неделю двадцать франков осужденному.

Ферре, Шарль Теофиль.

1) Тюрьма в Версале.

Наконец, 23 ноября, в шесть часов утра, Ферре повели на Сатори, вместе с Росселем и Буржуа,—бедным солдатом, имя которого тоже следует помнить.

Весь в черном, с сигарой во рту, с лицом, на котором не шевельнулся ни один мускул, медленным и твердым шагом он пошел к столбу, который был ему назначен, встал и взглянул в лицо смерти.

Раздался залп, Россел и Буржуа упали, Ферре остался на ногах.

Раздался второй залп—он опустился.

Тогда один из солдат подходит и вкладывает ему в ухо дуло своего пистолета и простреливает ему голову.

Его убивают в три приема.

Таковы были эти люди. Таков был народ Коммуны.

Мы закопчим грозными словами, сказанными Ферре пред военным советом, которому поручено было зарезать его «на законном основании».

Всякие комментарии ослабили бы их.

Это, вместе с тем, пророчество о грядущем воскресении бессмертной идеи, которую тщетно старались утопить в крови ее защитников:

«Как плен Коммуны, я во власти ее победителей. Они хотят моей головы—пусть берут ее. Никогда я не попытаюсь спасти свою жизнь подостью. Я жил свободным, таким и умру».

«Прибавлю еще одно: счастье изменчиво. Будущему поручаю я заботу о моей памяти и мою мезь».

И будущее исполнит это завещание.

Ярослав Домбровский.

Домбровский родился в 1838 г. в Житомире, воспитывался в кадетском корпусе и, будучи уже офицером русской службы, принимал участие в польском восстании, за что был присужден царским правительством к 15 годам каторжных работ.

Домбровский играл значительную роль при военной защите осажденного и восставшего Парижа. После неудачной вылазки парижан 4 апреля Домбровский заменил Вержера на северо-западном участке фронта. Он руководил батальонами, расположенными от Нейллы до Сент-Уэна. Под его командованием в этой местности горсть храбрецов удерживала неприятеля в десять раз сильнеею вплоть до рокового дня 20 мая. Особенно упорно защищалось местечко Нейллы, где в течение целых недель происходила жестокая борьба. Каждый дом, каждый сад превращались в поле битвы. Домбровский, бесстрашно державшийся под ружейным огнем, хладнокровный и смелый, поспевал всюду, наблюдал за всем и устранял все опасности. Преданный во время последних ужасных дней, предшествовавших падению Коммуны, он покончил с собою, чтобы не пережить поражения.

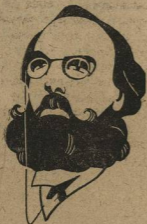

Ярослав Домбровский.

• Верморель произнесит речь над гробом Домбровского на площади Бастилии у подножия Июльской колонны.

Рис. П. Гогутта.

Рауль Риго.

Член и прокурор Парижской Коммуны. Родился в Париже 16 сентября 1846 г. Расстрелян 24 мая 1871 года.

После 18 марта 1871 г. Риго был делегирован Центральным Комитетом в префектуру полиции. Избранный 26 марта членом Коммуны, он был сначала делегирован в отделение общественной безопасности, а затем назначен прокурором Коммуны.

Версальцы в дни ликвидации Коммуны напали на него на улице. Его поставили к стене и расстреляли. Тело его лежало потом на мостовой неубранным в течение целого дня.

Так погиб этот горячий защитник пролетарского дела.

Эмиль Эд.

(Генерал Коммуны).

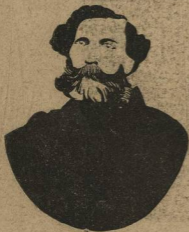
26 марта Эд был избран членом Коммуны, вступил в число членов Исполнительного Комитета и был делегирован в военное министерство. 10 мая он был назначен членом Комитета общественного спасения. В Швейцарии, куда он бежал после приговора, он основал газету «Ля Реванш». Амнистия вернула его во Францию. Сначала он помогает Бланки восстановить Центральный Революционный Комитет. В 1888 году он основывает газету «Л'ом Либр». Он умер 5 августа, во время речи, от разрыва сердца.

Феликс Пиа.

Литератор и политический деятель. Свою политическую карьеру Феликс Пиа начал в 1848 году. Избранный членом Учредительного Собрания, он занял там место среди наиболее радикальных демократов. За подписание воззвания призывающего к восстанию по поводу римской экспедиции, Пиа был засечно приговорен и выслан из пределов Франции. Он вернулся на родину только после 20 лет, проведенных в изгнании, и занял пост одного из редакторов «Рапшель».

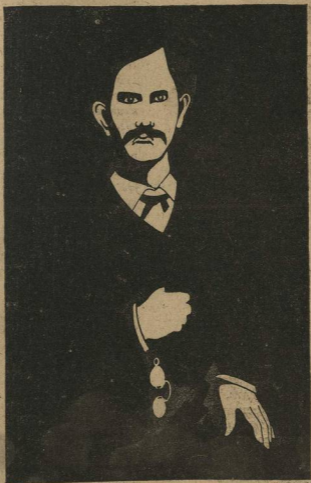
Сколько ему пришлось опять бежать от преследований и он укрылся в Англии. 4 сентября он вернулся в Париж и основал здесь газету «Ле Комбат». 26 марта он был избран членом Коммуны. После ликвидации Коммуны ему удалось тайком пробраться в Лондон. В 1886 году он опять вернулся в Париж, основал газету «Коммуна», а после закрытия ее работал в «Марсельезе» и в «Коммуне Либре» 11 марта 1886 г. Феликс Пиа был избран в палату депутатов от департамента Нижней Роны.

Луи Россель.

Полковник, делегат Парижской Коммуны в военном министерстве, родился 9 сентября 1844 г., расстрелян 28 ноября 1871 г. Это был очень образованный и очень одаренный человек. В свое время он помещал в «Темпс» статьи по военным вопросам под псевдонимом Рандаль. Эти статьи имели большой успех. Кампанию 1870 г. он провел в Меце, в чине капитана. 18 марта 1871 г. Россель» назначен был командиром дегтона 18 округа, был избран генералом Клозёре начальником главного штаба и был делегирован Коммуной в военное министерство. Он дал энергичный толчок организованному Коммуной сопротивлению. После ликвидации Коммуны Россель некоторое время скрывался, но 7 июня был арестован. Версальский военный суд приговорил его к смерти. Несмотря на много исленные петиции о помиловании его, Россель был расстрелян 28 ноября в Сатори.

Луиза Мишель.

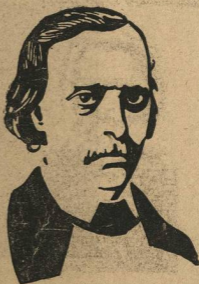
Она была дочь бедной крестьянки. Двадцати лет она сдала экзамен на звание учительницы и учительствовала в Париже в рабочем квартале Монмартр, где за свои революционные взгляды получила кличку «красной девы» Монмартра. В 1871 г. приняла горячее участие в Парижской Коммуне, командовала женским батальоном и сражалась на баррикадах, за что была приговорена к ссылке. Перед своими судьями-палачами она произнесла мужественную речь, в которой требовала себе смерти: «Я вся целиком, — сказала она, — принадлежу социальной революции и готова принять ответственность за все мои действия... Да, я ни минуты не поколебалась бы стрелять в палачей народа... Вас, выдающих себя за моих судей, я прошу отправить меня туда, где уже пали наши братья... Всякое сердце, бьющееся за свободу, имеет право на кусочек свища, и я требую доли. Если вы не трусы, убейте меня. Если вы оставите меня жить, я не перестану кричать о мести». Но военные судьи были трусы и приговорили ее к медленному умиранию в ссылке. Однако Луиза Мишель через много лет вернулась во Францию и продолжила борьбу в рядах революционеров, не раз попадая в тюрьму. Она умерла 75 лет, сохранив юное и горячее сердце борца.

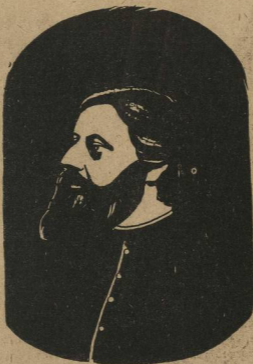
Жан Баптист Миллиер.

Жан Баптист Миллиер, родившийся в 1817 г., с 13 лет сам зарабатывал и потому только значительно позже занялся своим образованием, отдавшись изучению права. После 1848 г. он основывает в Клермоне издание «Пролетарий» и публикует «Революционные исследования». При восстановлении Империи, судебная Комиссия приговаривает его к каторжным работам и в течение 8 лет, с 1851 по 1859 год, он отбывает это наказание в Алжире, вынося на своих плечах всю варварскую жестокость тамошнего режима.

После амнистии, которая его освобождает, Миллиер работает в оппозиционной, республиканской прессе, а затем, с провозглашением Республики, его избирают начальником батальона Национальной Гвардии. Он не принимает никакого активного участия в жизни и борьбе Коммуны, но достаточно его репутации революционера и присутствия в Париже, чтобы дать возможность расстрелять его, и в самой тяжелой, неприемлемой обстановке.

Без суда, даже без установления личности — его повели на казнь, заставив силой стать на колени. Последние слова его были: да здравствует человечество.

Гюстав Курбэ.

Член Коммуны, глава так называемой реальной школы живописи, знаменитый художник. После ликвидации Коммуны его обвиняли в том, что декрет о снесении вандомской колонны был издан по его инициативе.

Муален.

Тони Муален

Находясь в постоянном общении с народом и близко зная его нужды, Тони Муален с увлечением отдался изучению политической экономии.

18 июня 1870 г. он был приговорен по обвинению в участии в заговоре против Империи, к пяти годам заключения.

Во время Коммуны он был ильцем 193 батальона национальной гвардии и членом Комитета 12 округа.

Он был арестован 27 мая по доносу. Военный суд в Люксембургском дворце приговорил его к расстрелу.

Тони Муален проявил после приговора редкое мужество. За несколько часов до смерти он пожелал оформить перед лицом закона свои отношения к женщине, которая была ему близка. Это было ему разрешено. Он провел с нею ночь накануне казни и под наблюдением тюремщиков обменялся с ней словами последнего прощания. В восемь часов утра последовало бракосочетание, а в девять часов Муален шел уже на место казни.

Власти не разрешили выдать его тело его супруге.

Внук Коммуны.

то было незадолго до войны, во время последних выборов в итальянскую палату. Народная нужда, казалось, достигла своего предела, и на одно недовольство выливалось через край в многочисленных и многоядных демонстрациях, как через несколько месяцев оно было залито кровью во время Кровавой недели. Во всех углах страны социалистическое движение расширилось до невиданных доселе размеров, и возгласы: «Evviva la Rivoluzione», «Evvivo il Socialismo»¹⁾ все чаще и все громче покрывали лозунги буржуазных партий. Буржуазия выходила из себя, бесилась; обливалась клеветой и ядовитой ложью рабочих детей, татств. В Неаполе, где мне пришлось в это время быть, подкупленные шайки воров, грабителей и членов комморы устраивали побоища на предвыборных собраниях. Нередко раздавались револьверные выстрелы, и то одного, то другого окровавленного рабочего выносили из бушующей, бунтующей, возмущенной толпы, еще яростнее выкрикивавшей призыв к революции. Казалось, она неизбежна. Безнаказанность убийц, наглость буржуа, голод и унижение воспаляли рабочих так же, как чувство мощи, выраставшей в этих массах, и красные знамена, десятками и сотнями осенявшие полутемные залы собраний.

В богатых кварталах, на via Roma, via Chiaia, Corso Nazionale²⁾; у аристократических особняков, садов и парков среднего Неаполя все еще часто попадались изнеженные женщины и томные франты в глубоком трауре по убитым в триполитанской войне. Но сквозь черные вуали вырывался веселый смех беззаботных и не думающих о голоде людей, и черные платья лживо-скромных синьор и синьорин красиво оттенялись весенними фиалками, салерскими росами и камелиями. Страсть и роскошь не уступали изменчивые сердца мимолетному горю.

А около, в темных переулках, по их полуостертым лестницам, где нога скользила по грязи и давила отбросы; где редкие и скудные

лучи солнца, прокрадывавшиеся в эти щели, переходило вечно мокрые и вечно полу-грязное белое; где зловоние нищеты перемешивалось с запахом краски и ароматом дынь, гирляндами падавших с высоких балконов,— в этих грязных переулках, где лень делила свое господство с нищетой, а невежество— с голодом, не видно было траура и не слышно было смеха. Здесь работали и мучились. Здесь глубоко затаенное горе разжигалось проклятиями и копилло возмущение, которое заставляло блеснуть глаза и дрожать руки. Пестрые перья барселлеров, изредка заходивших сюда, отражали в слезах осиротевших матерей и дрожали от рыданий жен. Но слезы тусквели в этом сумраке, и глухие высокие стены хоронили без отзвука плач.

И вот все это прорвалось, вырвалось, захлестнуло веселый и солнечный город, где сталкивались все народы и звучали наречия в его мира, одной вечной и каждому повятой нотой рабочего гнева, отчаяния и возмущения. На Старом рынке и в порту, на макаронных и красильных фабриках, на заводах— всюду, где рабочий люд собирался массами, грозный гул покрывал обычную сутолоку и суету. На Бирже труда с утра до поздней ночи хлопали двери, трещали телефонные звонки. В коидорах и у подвеза, между колоннами, толпились члены избирательных комиссий, журналисты, газетчики. Мальчишки с ворохами газет и воззваний с зари рассыпались воровьей стаей по всем сторонам, и тонкие голоса их звенели, как бубенчики стада у туманного взморья.

На последнее перед выборами воскресенье была назначена всеобщая демонстрация. Десятками тысяч пролетарии и бедный люд должны были рутьями влиться в площадь перед Биржей труда и широкой рекой залить оттуда богатые кварталы. На В. меро, самом высоком и самом новом квартале Неаполя, приюте бедных чиновников, русских эмигрантов и студентов, задолго до полудня площадь наполняется шумящим и гудящим людом. Ждут депутатов. Сверху, как листочкино гнездо, нависла и сереет крепость Сан-Мартино; далеко-далеко внизу золотыми полосами переливается на солнце синее-синее море вплоть до дымного, дугорбого Капри; меж ними то вни-

¹⁾ «Да здравствует революция», «Да здравствует Социализм».

²⁾ Римской улице, улице Каппа, Национальном парке.

ползают, то карабкается вверх бело-зеленый Неапол, а под пальмой Вомеро рассыпаются маками красные флаги. Ждут депутатов. Они являются. Их речи покрываются взрывом криков, возгласов; тысяча людей выстраиваются в колонны; музыканты впереди, за ними депутаты и избирательный комитет; и повсюду красные птицы знамен. Под одной из них русские эмигранты и студенты, и те из их итальянских товарищей, которые сделали за всегдатами русской библиотеки, русского клуба и участниками несомняемых русских споров.

По широкой, извилистой дороге спускаемся вниз, в город. По всему пути при нашем приближении раскрываются окна, женские руки машут платками, дети хлопают в ладоши; с некоторых балконов свешиваются ковры и красные материи. Звуки песен проникают в лимонные сады, реют над цветочными клумбами и высоко возносятся в чистую и ясную синеву. А оттуда опять детские руки, как крылышки чаек, бьются у самого неба, и на них улыбаются снизу суровые лица рабочих.

У моста сталкиваемся с другой группой; не один еще раз мы встретимся, вилетемся, сольемся, чтобы бодрее и мощнее продолжать свой путь к Бирже труда. Встреченные несут с собою плакаты, карикатуры на министров. Джиолитти красуется в виде шакала, обнюхивающего убитых в Триполи солдат. Эти плакаты сожгут вечером на площади Фердинанда под веселые клики народа и голубые огни фейерверка.

Колонны становятся все гуще, ленты процессий вытягиваются по всем переулкам, и к вечеру сто тысяч человек ждут у Биржи Труда сигнала, чтобы двинуться к галлерее Виктора-Эммануэля, к театру Сан-Карло, к королевскому дворцу. На закате трогаются передовые, многочисленные ряды, через площадь Данте направляются к вокзалу, обходят памятник Гарибальди и поворачивают на via Roma, главную улицу Неаполя. Эта длинная улица во всю ширину, от стены к стене, и во всю длину наполняется людьми. Сотня тысяч под щип шуршит по асфальту, по избитой мостовой, да тихий говор, как шум прибой, бьется в длинные витрины магазинов и в занавешенные окна барских квартир. Вечер зажег фонари на улице и звезды на небе; соленный ветер с моря развеивает знамена. На площади королевского дворца, у театра Сан-Карло, в галлерее открываются митинги, которые продолжают до поздней ночи.

Группа русских и несколько итальянцев отделяются от толпы. Это делают и другие.

Кто расходится по кафе, никогда не видавшим у своих столиков столько простонародья, кто заходит в таверны попробовать пирожки с мясной, специальность и одну из достопримечательностей Неаполя; не обходится и без рюмки вермута или стакана белого каприйского.

В маленьком народном кабачке, куда мы забрели, людно, душно, шумно. Люди полны переживаниями сегодняшнего дня.

— Сознайся, — говорит высокий, худой переплетчик с via Salute ¹⁾, — признайся, — говорит он, звеня рюмкой о рюмку, маленькому загорелому рыбаку, — что и тебе не пришлось видеть такой бури. Смотри, как бы твоя лодка не потонула в ее волнах.

Рыбак флегматично улыбается. Глаза его блестят, когда он возражает:

— Эй! Не бойся, Себастьяно. Мой парус привык к ветрам, и я люблю красный цвет. Я знаю гавань, куда нас примчит эта буря. За нашим столиком молодой поэт Дель-Греко громко разглагольствует: «Сегодня в сотнях тысяч сердец родилась и окрепла новая вера. Смотрите, даже ночью она цветет красными маками и гвоздиками. Да здравствует свобода!»

— Нет, — отвечает ему Мариано, — сын калябрийского крестьянина. Это — кровь, которая лилась тысячу лет тому назад и будет литься еще и еще. Эти знамена — как заря на наших полях перед африканским сирокко.

— Мы знаем, что все это значит, — врывается в их разговор Нестеренко, хохол из Воронежа. Уж восемь лет, как я не видал этого. Да здравствует революция!

— Bravo, русские! Да здравствует революция! откликаются с разных сторон. Разговор перебрасывается от столика к столику, становится общим.

В дверях переполненного кабачка появляется новое лицо. По виду, это — туринец или француз. Минуты с две он стоит на пороге, озирается и ищет себе места. Он уж готов уйти, как его замечает Дель-Греко.

— Стоя, сюда! К нам, сын коммунара, кричит он ему. Эй, Дюфур, дружище! У нашего столика всегда найдется рюмка вермута и внимательные слушатели твоих рассказов.

Некоторые русские знают его. Другим, пока он пробирается между столиков, стульев, ног, рассказывают: Это — Энрико Дюфур, сын парижского коммунара, бежавшего в Италию. Мы заставим его повторить один из рассказов, которые перешли ему отцу.

¹⁾ Улица Спасения.

Дюфур не заставляет себя долго просить. Он не отказывается от одной-другой рюмки вермута и, опустив глаза, начинает тихим голосом.

— При виде этих громадных толп, этой веселой стаи красных знамен, я вспоминаю один из рассказов отца, который вам не пришлось еще слышать. Рассказ этот связан с одним из самых величественных и героических моментов Коммуны, а также с самым страшным переживанием моего отца. Я слышал его на улице Сан-Джулиано, где мы тогда жили неподалеку от типографии, в которой отец работал наборщиком. Мать и двое младших детей уже спали; отец недавно вернулся с работы и докуривал перед сном свою последнюю трубку. Это был самый удобный момент, чтобы выудить у него один из его скудных рассказов. Помню, я потом всю ночь метался в постели, мне слышались пушечные выстрелы, битва, тюрьма, раненные... Но не в этом дело!

— Ты знаешь, — начал в тот вечер отец, — что я был застигнут делами Коммуны совсем мальшом. Мне было тогда только тринадцать лет, но я был не один из тех, кому еще надо было ходить в школу вместо того, чтобы сражаться на баррикадах. Нас были десятки, сотни на всех фортах и у всех ворот. Нас было несколько с одной только улицы де-Розье, где мой отец работал в переплетной книгопродавца Дюмурье. Это были все мои сверстники и товарищи, самому старшему было 15 лет, а сыну зеленщицы Марты, Полю — двенадцать. Он потом был убит ядром у ворот Мальо. Как и он, многие были убиты и расстреляны версальцами. Пьер Шакен, первый увидавший жандармов у пушек де-Розье

18 марта, был расстрелян у башни Сольферино в мае. Многие были убиты тогда же. Жак Перфуа погиб в Бельвиле, в последний день Коммуны. Но в те дни, о которых я хочу тебе рассказать, большинство из них были еще живы, однако им не приходилось встречаться, и многие так и не видели друг друга с тех пор, как мы рассыпались по фортам и траншеям. Я попал на форт Иссы вместе с моим дядей Жаном, начальником роты национальных гвардейцев. Он был лейтенантом, так же как и его товарищ Дюваль из 8 округа.

Мы направились туда на другой день, как хотели забрать наши пушки. Вечером мы уже заняли старый замок и обширный парк при нем. Некоторые расположились в нем спать, несмотря на то, что была еще ранняя весна и на воздухе было свежо. Но никто не думал об этом, так же как и о враге, который скрывался совсем неподалеку в Версале, но который не показывался и не приветствовал нас своими губительными пушками. Меж деревьями и у пруда стоял говор и смех тысяч людей, в замке горели сгни, а под стенами кое-где полыхали костры. Рота дяди расположилась у самого входа. С нами был также мальчик Луи, немного старше меня, служивший учеником у сапожника на соседней с нашей улице. Его родители, крестьяне, жили в Сан-Клу, но он не хотел уйти к нам, несмотря на то, что его хозяин закрыл свою мастерскую. «Там слишком скучно, — сказал он. — Я хочу быть со своими».

— Я тоже могу что-нибудь сделать, — ответил он моему дяде, который желал его отослать. И он остался.

На утро многие ушли обратно. Им казалось, что нечего было делать. В роте моего дяди едва осталась половина. «Мы придем, когда нужно будет,—сказали они дяде.—Нам скажут об этом пушки». И, действительно, многих из них я опять увидел, когда стало жарко. Но большинство так и не вернулось. Вообще же в Исси осталось не более тысячи человек. Не

БРЮННУ ИЗДЕВАЛИСЬ НАД ТРУПАМИ РАССТРЕЛЯНЫХ: БИЛИ И ПЛЕВАЛИ В ЛИЦО МЕРТВЫМ.

думай, что они были трусами. Нет. Они просто не считали нужным оставаться там, где, по их мнению, не было опасности. Да о ней пока никто и не думал. Даже пушки не были все перевезены, и те, которые были, остались нетронутыми. Никто не думал, что через десять дней они должны будут заговорить, пока их не заставят замолчать версальцы. Все имело мирный, даже веселый и праздничный вид.

К роте моего дяди присоединилась также одна женщина. Звали ее Жанна; она была еще совсем молода. Ее муж был маляром, и они жили хорошо, пока его не призвали на военную службу. А потом его послали на войну с пруссаками, и с тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. За это время она много болела, ее ребенок умер пяти месяцев, и она, совсем обеднев, поступила на службу к богатым господам Вифелле, фабрикантам из Лиона. Ей жилось у них совсем не дурно; она была очень милосивидна и внимательна,—она еще не успела озлобиться и надеялась с возвращением мужа начать прежнюю жизнь. Господа не хотели ее отпускать, но она оказалась на этот раз своенравной. «Я буду там, где мой народ!»—крикнула она им и побежала к пушкам. Оттуда, вместе со всеми нами, она отправилась в Исси.

Мы с ней подружились с первого взгляда и, вместе с Луи, заключили тесный союз. Он кончился только с их смертью. Но я забегая вперед.

Мы расположились, все трое, под самыми воротами входа. Делать нам было нечего, но мы уже заранее распределили свои роли. Жанна будет подбирать раненых и разносить пищу; мы с Луи будем у пушек. Мы сумеем подкапывать ядра, сколько бы пули ни свистели. Однако больше недели мы вынуждены были бездействовать: пушки молчали. Тогда мы взялись помогать Жанне. Пища подвозилась неак-

курратно и мало. Приходилось по нескольку раз бегать в нижнюю залу замка и оттуда на стены и в траншеи. Ах! какое это было веселое время! Подпрыгивая с обеих сторон Жанны, мы с Луи высоко помахивали шапками и кричали: «Подручайте свой хлеб! Хлеб! Хлеб!»

Но скоро все переменялось. В воскресенье, второе воскресенье, как и был в Исси, провиант привезли гораздо раньше обычного. Уже в полдень мы заканчивали разноску. Много женщин пришло из Парижа проводить своих мужей и братьев. Пришла и моя мать навещать дядю Жана.

— У него дома все хорошо,—сказала она.—Мария, его жена, не могла прийти. Ей не на кого оставить детей. Но будущее воскресенье она их оставит у нас и сама придет в Исси. Баптист (это было имя моего отца) дома. Он не считает необходимым сторожить пустое место. Когда придет время, его винтовка заговорит на баррикадах. Она думает, что он прав. Не мешало бы и Жану вернуться домой.

— А тебе и совсем здесь делать нечего, мальчуган,—обратилась она ко мне.—Собирайся, шелопаи, да скорее!

Я ожидал этого, но вовсе не был склонен уходить куда бы то ни было из Исси. Мне было там очень хорошо, и, хотя приходилось почти что бездействовать, я чувствовал себя защитником Коммуны.

— Я не могу оставить Жанну и Луи,—взразил я матери.—И потом, я совсем не сижу здесь без дела.

— Оставь же,—вступился за меня дядя Жан.—Ему хочется понюхать пороху, а это никогда не мешает парижанину.

Мы сидели шагах во ста от ворот под тополями, которые тянутся до самого рва. Около десятка мирных групп раскинулось неподалеку на зеленой траве; некоторые сидели на скамейках и слушали рассказы горожан о провозглашении Коммуны.

Мы еще продолжали препираться с матерью, как вдруг что-то со свистом и шипом прорезало чистый весенний воздух и с громким треском ударило в стену с левой стороны ворот. Не успели мы опомниться от неожиданности, как еще несколько ядер ударило почти в то

же самое место. Нужно было там быть и видеть, что начало твориться. Сперва люди как бы замерли от изумления и неожиданности, но потом из сотен глоток вырвался крик: «Версаль! Версаль обстреливает Париж!»

Всекие разговоры были забыты. Люди бросились к пушкам, к ружьям; скоро зачернели стены и траншеи, но никто не напал. Только пушечные залпы становились все громче и громче, и снаряды густо дождились в траншеи, в амбразуры и около батарей. Много попадает и в парк. Теперь и мне, и Луи, и Жанне — достаточно работы. Мы подкатываем ядра, передаем приказы с одного места на другое; она подбирает раненых. Уже в первый день их насчитывают 19. Есть несколько убитых. Раненых помещают в тюрьму. Там не так опасно, но скоро для них нехватает места. Иногда мы с Жанной ходим туда, и нам с трудом приходится пробираться по полутемным коридорам и переполненным камерам. Скоро Исси становится настоящим атом и, что ни день, все хуже. Во вторник нам привезли новые пушки, и у дяди Жана их теперь три. Работы так много, что мы почти не видимся с Жанной. Она переходит с места на место, и иногда мы видим, как мелькает ее красный плавок, да еще реже она приходит ночевать на старое место. Она все время или в поле или в тюрьме.

В субботу, — я хорошо помню этот день: у дяди Жана подбили одну из его пушек и убили трех артиллеристов, — пришел мой старший брат, Пьер. Он рассказал нам, что моего отца расстреляли версальцы. Он был в отряде Дювала и попал к ним в плен в Шатильоне. По дороге его, как и многих других, забросали грязью, избили, а на следующий день, вечером, убили. Последнее, что я помню за это время, — это то, что я весь вечер и всю ночь проплакат, несмотря на утешения Жанны и Луи. Меня стал преследовать страх попасть в руки версальцев. При одой мысли об этом меня оубял ужас. Смерть от пули, даже от снаряда казалась мне счастьем по сравнению с этим. Это было единственное, чего я боялся, и было несколько часов, когда мне казалось, что версальцы все-таки захватят меня. Как раз об этом я и хотел тебе рассказать.

Это тоже было в воскресенье, через месяц после того, как нас посетила моя мать.

За два дня до этого Луи, отравленный дядей Жаном в Париж с какими-то поручениями, вернулся с известием, что мasons присоединились к Коммуне. В Думе он слышал, что на субботу назначена их процессия и что они врат сззи знамена членам Коммуны.

Легендарные рассказы о таинственных мasonsх подзаюрили любопытство некоторых товарищей. Они собрались на завтра пойти в Париж, на площадь Каррусель, где должны были собраться все ложи. Дядя разрешил им пойти и отградил меня с ними. Он хотел, чтобы я ему все рассказал подробно. Может-быть, у него была при этом задняя мысль, и он хотел меня просто уснуть из этого вихря железа и смерти, который представлял тогда Ис.и. Уж три дня, как форт стал обстреливаться с особенной силой. Большая часть стен обрушилась, разбитая в порошок снарядами версальцев; парк был весь изрыт, почти на каждом шагу чернели ямы и валялись сбитые деревья; у амбразур и, вернее, у того, что осталось от них, нельзя было стоять; пушки грохали почти совсем без прикрытия, и скоро была перебита большая половина артиллеристов. Тюрьма и коридор К ней были переполнены ранеными и трупами, которые только по вечерам можно было отправлять в Париж на повозках. В тот день их набралось около двухсот.

Так обстояло дело, когда шесть человек, в том числе и я, еще до зари отправились через деревню в Париж, чтобы ко времени попасть на площадь Каррусель. Было необычайно тихо. Пушки и ружья молчали, и в прохладном воздухе весело разносилась песня скворцов. Где-то пел жаворонок. На дороге не было ни души, и мы пробрались полями, чтобы нас не заметили версальцы, уже с вечера засевшие в парке. Совсем редко, приподнимаясь над шелестевшим морем хлебов, мы замечали красные штаны версальцев в синей тени всковых деревьев. Все обошлось благополучно, и мы без особых приключений достигли лагеря мasonsов. Но проникнуть туда мы не могли. Тысячи человек окружили площадь Каррусель и все близлежащие улицы. Взобравшись на решетку, мы заметили только массу разных знамен, колыхавшихся в утреннем воздухе. Скоро они затшевелились, выстроились и прошли между толпой, отхлынувшей на тротуары, в Думу. Мы посленили туда, заявили, что мы с форта Исси и, благодаря этому, попали в передние ряды. На площадках лестницы какие-то люди, — мне сказали, что это были члены Коммуны, — ожидали мasonsов. Когда они подошли, какой-то старик, с длинной белой бородой, произнес небольшую речь, и мы заметили слезы на его глазах. Ему ответили несколько человек с разного цвета перевязями через плечо. Потом вынесли все знамена вперед. Одно из них было белое. больше всех

других, и на нем были какие-то красные буквы. Мне запомнилось еще другое, зеленое с белым черепом и костями, которое вечером принесли к нам в форт. Потом мы видели, как поднялся большой, воздушный шар и, как белые тобуи, с него слетали афиши масонов. Сначала

Этот двенадцати и двадцати фунтовый град выбивал человеческие жизни не хуже сухих колосьев пшеницы. Деревья в парке лежали как потемневшая солома, которую бросил жнец на произвол осенних дождей. Укрываясь за каждой выбоиной, почти ползком добрались

Пленные коммуны по дороге в Версаль.

Рис. Козлова.

они держались в воздухе в виде белых маленьких тучек, а затем рассеивались поодиночке в синеве, падая и покрывая мостовые и тротуары. Мне казалось, что в мире наступил какой-то великий праздник. И хотя пушки тремели по-прежнему, они не казались уже мне теми, что только вчера крошили стены Исси и десятками убивали наших товарищей. Нет, это был салют братству и свободе; только салют. Я чувствовал, как расширилось мое сердце; в глазах стоял светлый изумрудный туман. Я был как пьяный. Так прошел я с моими спутниками с Исси, вслед за шествием, до одного из бульваров, откуда нам нужно было свернуть по дороге в Исси. Как ни трудно было оторваться от этого зрелища, нам нужно было спешить к товарищам и к дяде Жану, которые ждали нас с нетерпением.

Чем ближе подходили мы к своей цели, тем дальше отходил от нас светлый мир Парижа и тем ярче выступали перед нами разрушения Версаля. Пройтые жилища, вывороченные мостовые, лужи крови отмечали наш путь до деревни Исси. За ней начинался настоящий ад. Не проходило минуты, чтобы на дорогу не ложились где-нибудь снаряд. И с каждым шагом этот град становился и чаще и гуще.

мы уже поздно вечером до форта. В этом аде нельзя было рассказывать о празднике в Париже. Да и нам самим он казался далеким светлым сном, в который не поверят люди, брошенные в ад смерти и свинца. Угрюмые и усталые, принялись мы за обычную работу. До самой полуночи пушки не переставали греть, затем стихли до утра. Это не принесло нам никакой пользы, так как почти никто не лег спать.

Они были правы. Это обманчивое молчание принесло нам утром ужасную весть. Мы увидели вокруг себя, совсем недалеко, красные штаны версальцев в парке и в траншеях, где еще вчера были наши гвардейцы. Многие бросились к коменданту с этой неожиданной вестью; некоторые кричали, что мы окружены и что теперь нужно умереть, но не сдаваться живыми версальцам.

Меня опять захватил ужас перед издевательствами врагов. Я твердо решил умереть, но не сдаваться. Я не знал, как это сделать; у меня не было никакого оружия, чтобы покончить с собой, в случае если бы меня не убили в бою. Вдруг я заметил под воротами входа на месте нашего старого пристанища, где мы первые дни поместились с Жанной и Луи, тачку

с картечью и снарядами. Мысль, такая же быстрая, как и ужасная, пронизала мой ум. Чувство мести за отца, за погибших товарищей, за Луи, которому вчера оторвало ядром обе ноги, чувство мести, заглушенное грохотом боя, нашло себе ничем неудержимый выход в этой мысли.

Моя жизнь уже не принадлежала мне. Я отомщу. Пусть войдут сюда версальцы, подумал я, они взлетят на воздух вместе со мной и с этой тачкой. Я отомщу за всех.

Мне никто не мог помешать в задуманном мною деле. Я был единственным хозяином этого старого убежища; сюда не придет ни Луи, которого нет в живых, ни Жанна, занятая своими ранеными. Я тихонько прокрался из ворот в поиски за огнем. Я заметил, как по дороге в деревню Исси отступали товарищи и различил между ними коменданта и учителя Женаше, который защищал восточную сторону форта. Дядя Жан и еще человек сто остались. Они не хотели уходить, для них смерть была делом решенным. Некоторые из них заклепывали последние пушки; другие уместились за разными обломками, положив возле себя столько патронов, сколько их еще можно было найти.

Поиски мои продолжались с полчаса. Это была грудная задача, но я добился своего и вернулся на прежнее место. Стояла необычайная тишина. Ни одна пушка не заговорила с самого полудня; ни одного выстрела не раздавалось. Словно все вымерло. Я чувствовал себя совсем покинутым, но боялся выходить из своего уголка. При каждом шорохе, при звуке случайных шагов сердце мое замирало, и рука машинально тянулась к шнурю. Я старался успокоиться, но мне это плохо удавалось. Я знал, что без боя версальцы сюда не войдут, и опасался всякой случайности. При одной

мысли об этом я замирал. Я потерял всякое представление о времени и месте, весь превратился в слух и видел только тачку со снарядами.

Тихо. Все еще мучительно тихо. Не знаю, сколько времени я так лежал, как вдруг один за другим раздались три залпа. Дальше, ближе, опять дальше. Выстрелы продолжались довольно долго, то удаляясь, то приближаясь. Вдруг опять стихло. Мужество вернулось ко мне: я знал теперь, что мне делать. Я ждал, что вот-вот появятся версальцы. Проходит десять минут, полчаса—ни звука. Все опять мертво. Я слышу, как сердце часто-часто стучит в груди. Наступившая под воротами тьма пугает меня еще больше. Вдруг совсем близко раздаются шаги. Ближе. Ближе. Я подползаю к тачке и держу наготове спички. Несколько человек вступают под своды. Я жду только, чтоб их набралось побольше, как вдруг слышу голос дяди Жана, отдающего приказания.

«Больше я ничего не помню. Я пришел в чувство только дома, на улице де-Розье. Мать не отпустила уже меня от себя вплоть до того дня, как мы с дядей Жаном бежали из Парижа и Франции. До сих пор меня еще преследует мысль, что я мог бы быть причиной гибели стольких товарищей, хотя дядя Жан старался меня уверить, что моя затея ничего не стоила и из нее все равно ничего бы не вышло.

Дюфур замолк. За дверью шумела толпа, влещивались громкие голоса. За столиками было тихо. Один за другим кто-нибудь допивал свою рюмку и, молча пожав руку молодому французу, тихо выходил наружу. Ужас смерти сковал уста этих людей, но в их сердца не прокрался страх ее. Их пожатия были поручкой, что каждый в день борьбы найдет свое дело, дело Коммуны.

Семен Родов.

Замок Иф — место заключения коммунаров.

От национальной гвардии — к Красной армии.

Буржуазное правительство было свергнуто парижскими рабочими 18 марта 1871 г.

А 28 мая французская буржуазия с помощью жандармов и солдат регулярной армии задавила первую рабочую Коммуну, залив кровью коммунаров улицы Парижа. Парижская Коммуна существовала всего около двух месяцев. Но значение ее для рабочего класса огромно. С 1871 г. в течение 50 лет она была маяком рабочего движения. Пролетариат всех стран равнялись тогда на Парижскую Коммуну так же, как теперь равняются они на Коммуну Р. С. Ф. С. Р.

Красный Париж отделяют от Красной России 50 лет истории, 50 лет организации боевых — пролетарских сил.

Нас в нашей революционной борьбе поддерживают пролетариат всех стран; наше крестьянство идет вместе с нами; мы — не города, белая страна, нас не тысячи, а миллионы.

И все же до сих пор, после трех лет такой борьбы мы еще не можем сказать: „враг сокрушен, он больше не поднимется; еще до сих пор угрозы вражеского нашествия связывают нам руки и мешают строить новую жизнь.

Мы знаем, что мы начали штурм крепости капитала во время, что как бы ни был еще силен враг, мы выдержим все его контр-атаки и победим.

Но нам трудно и мы донимаем теперь, почему 50 лет тому назад первый штурм рабочего класса на капиталистической твердыни потерпел неудачу.

Парижская Коммуна в области строительства новой жизни сделала немного; все ее декреты лишь первые робкие шаги на пути к социализму. Но надо помнить: 26-го марта состоялось избрание коммуны, а 3-го апреля версальцы уже начали наступление. Враг стучался в ворота Парижа, и творцам Коммуны волею-неволею приходилось быть больше воинами, чем строителями.

История Парижской Коммуны почти на две трети история кровавых боев красного Парижа с белым Версалем.

Каковы же были вооруженные силы обеих сторон в этой смертельной схватке?

Армия революции в 1871 г. была национальная гвардия. Раньше национальная гвардия в Париже подбиралась из состоятельных людей.

Поэтому она всегда защищала интересы буржуазии. Еще в 1848 г. национальные гвардейцы вместе с мобилиями (регулярными войсками) и жандармами подавили рабочее восстание в Париже. Но в 1870 г. во время осады Парижа немцами буржуазному правительству Франции пришлось вооружить все парижское население, большинство которого составлял, конечно, трудовой, рабочий народ. Так национальная гвардия превратилась из силы реакционной в силу революционную. Она была главной участницей революции 18-го марта и после избрания Коммуны составила ее войско.

А какая сила была в руках буржуазного правительства Тьера, заседавшего в Версале?

Регулярная армия (мобиля), набранная в провинции и состоявшая в большинстве из темных и безграмотных крестьян, вымуштрованных и вышколенных офицерами в казармах.

Итак, борьба Коммуны с Тьером сводилась к борьбе национальной гвардии с регулярной армией, иначе говоря — столицы с провинцией, города с деревней.

Эту борьбу Париж начал блестящей победой, а кончил кровавым поражением.

Как же это произошло?

В первые дни после бегства Тьера из Парижа перевес сил был на стороне национальной гвардии. В этот момент Париж мог двинуть в поле 80—100 бойцов и раздавить второе-четвертое слабейшую версальскую армию. Но уже спустя две недели соотношение сил значительно изменилось. Всего в Париже во время осады его немцами было 270 батальонов национальной гвардии, но из них около 50 принадлежали к буржуазным кварталам. На эти батальоны не могла, конечно, рассчитывать рабочая власть в своей борьбе с буржуазией. Но такое же самое классовое расщепление, хотя и в меньших размерах, наблюдалось и в других батальонах: буржуа, попавшие в национальную гвардию, дезертировали из нее, как только в воздухе запахло гражданской войной. А после первых военных неудач началось бегство из ее рядов мелкой буржуазии, которая, как известно, всегда держит нос по ветру. Войско Коммуны тягло все больше и больше, чем ближе подходило дело к решительной развязке.

Национальная гвардия не была классово-военной силой, как наша Красная армия. Она не была в подлинном смысле армией рабочей власти. Она была только хорошим материалом для такой армии.

Наша Красная армия является именно такой армией: слитая, спаянная воедино твердым и ясным классовым сознанием, проникнутая, как один, классовою ненавистью к врагу и непоколебимой волей к победе, она не слабеет, а закаляется и крепнет в огне гражданской войны.

Национальная гвардия по своему классовому составу была похожа на нашу старую армию и роли их также сходны: так же, как и наша старая армия в дни октября, национальная гвардия в дни марта творила дело революции, но революция же и разлагала ее.

Вот почему Коммуна не могла никогда правильно учесть боевую силу, которую она могла располагать, и постоянно ошибалась в расчетах. Если во время немецкой осады в батальонах национальной гвардии числилось свыше 200 т. человек, то уже 18 марта под ружьем оказалось едва ли более 150 т. Через две недели, когда при известии о начавшемся наступлении геральцев национальные гвардейцы бросились к фортам и воротам, чтобы защищать Париж, называют уже цифру в 100 т. На другой день в вылазке против версальцев участвует не более 40—45 т. И наконец в последние дни, в роковые дни кровавой недели на баррикадах боются не более 30 т. коммунаров. И только про эту армию малочисленную, но стойкую, упорную, решительную, боющуюся до конца можно сказать, что это была настоящая армия пролетариата, подлинная классовая Красная армия, созданная не декретами Коммуны, а вылитая, как сталь, самую жизнь из той массы тяжелого хрупкого и разнородного материала, каким была национальная гвардия.

Но слабость национальной гвардии коренилась не только в ее составе, а еще и в самой ее организации. Эта организация носила партизанский характер.

Партизан связан со своим домом, с семьей. Сч не знает настоящей дисциплины, не привычен к п л х

ОФИЦЕРЫ УБИВАЛИ В БОЛЬНИЦАХ РАНЕННЫХ КОММУНАРОВ.

юхо обучен и неприспособлен к сложным неврам, неизбежным в современной войне. и способен произвести короткий энергичный натиск, но в то же время легко поддается панике, падает духом при первой неудаче. Он хорошо себя чувствует лишь в привычной обстановке: крестьянин—в лесах, рабочий—на улице за баррикадой, сложной из армией, но в полевой войне самый хороший партизан уступает даже плохому солдату. Партизан дерется и умирает хорошо, но воюет плохо. Таковы были и партизаны Парижа—национальные гвардейцы. Здесь невольно напрашивается сравнение с нашей красной гвардией, предтечей Красной армии. Все мы помним, как во время сражения с казаками Керенского под Гатчиной и Царским Селом рядом с матросами и солдатами храбро бились отряды питерских красногвардейцев и какие они несли потери из-за того, что у них не хватало выучки, боевой сноровки, умения применяться к местности и сообразоваться с обстановкой боя. Но зато у них была красная пролетарская сплоченность, чего не было у национальной гвардии.

Итак, национальная гвардия Парижа похожа и на нашу старую армию и на красную гвардию; она как бы стоит между ними по середине.

Со старой нашей армией ее роднит внеслассовый состав, а с красной гвардией—партизанская организация, т. е. как раз то, что составляло слабость обеих боевых сил первого периода нашей революции. Но того, что было у старой армии—выучка, организация, боевой опыт,—у красной гвардии—классовая спайка, у нее не было.

Национальной гвардией пришлось вступить в борьбу с регулярной армией, вымученной, дисциплинированной, прошедшей хорошую школу во время германской войны.

Правда, на первых порах у Тьера было не более 30 т. войска, да и оно было ненадежно: ведь эта армия только что выбралась из революционного пекла и была расстроена, осквернена событиями, происшедшими в Париже. Два полка мобилей перешли на сторону революции, и все войско легко могло бы развалиться, если бы Тьер не издал приказов об отступлении. Солдаты как автомат выполнялись приказу, но, отступая, они возмущались и вслух ругали офицеров. Дисциплина распалась; о порядке не было и речи.

Так было 18 марта. А через две недели у Тьера была снова хорошая армия. За это

время коммунары не сделали почти ничего, чтобы укрепить свои силы и обеспечить за собой военный успех. Они были ослеплены легкой победой 18 марта, верили в силу революции и преувеличивали военную слабость врага. Они не торопились его уничтожить, потому что совсем не боялись его.

А в это время Тьер работал над своей армией не докладывая рук; он не потерял ни одного дня, ни одного часа и в две недели ему удалось сделать свою армию неуязвимой.

Как он этого добился?

Вот что сообщает об этом он сам в своих показаниях следственной комиссии о событиях 18 марта.

«Я отдал приказ сконцентрировать армию и, главное, изолировать ее. Главные наши силы расквартированы были в Сатори, с приказанием не пускать к ним кого бы то ни было. Отдан был приказ стрелять во всякого, рискнувшего приблизиться. В то же время я рекомендовал снабдить самым лучшим содержанием наших солдат. Я увеличил рацион, в особенности мяса, признанные недостаточными. Я был уверен, что при хорошем питании, при отдыхе и пребывании офицеров в одних помещениях с солдатами войска преобразятся весьма быстро и достигнут весьма хорошего состояния. По окончании первой осады солдаты были оборваны, плохо экипированы; вид их был недовольный. Я был уверен, что все эти недостатки скоро пройдут при деятельном и выдержанном надзоре за солдатами. Надежда меня не обманула, потому что уже через несколько дней армия получила ко всеобщему удивлению совершенно иной внешний вид».

Отдалить от внешнего мира, задобрить милостями и подачками и обработать с помощью офицеров—таковы средства, пущенные в ход Тьером. Средства эти стары, как самый мир угнетателей и грабителей трудового люда; они знакомы каждому солдату прежней, царской армии.

Тьер не выдумал пороха, но он с пользой применил старое, испытанное лекарство.

Но ведь у него войско было втрое меньше, чем у Коммуны!..

Зато у Бисмарка была в плену целая французская армия. Красное знамя, взвишшее над Парижем, кололо глаза Бисмарку так же, как теперь красное знамя Р. С. Ф. С. Р. колет глаза Ллойд-Джорджу и Мильерану. И берлинская монархия и версальский парламент видели в Коммуне своего общего врага. И перед новым врагом два старых заключили

дружеский союз. Они решили вместе задуть Коммуну. Чтобы поладить дело «миром», они пошли даже на нарушение мирного трактата.

Приводим слова самого Тьера об этой сделке.

«Несмотря на трактат, определивший контингент парижской армии в 40.000 человек, г. де-Бисмарк согласился на усиление ее сначала до 80.000 ч., а затем до 130.000. Он сам дал нам эту возможность, возвратив значительное число наших пленных солдат».

Это число оказалось настолько значительным, что уже к 21 мая в Париж могло вступить 100 т. регулярных солдат — целая большая армия душителей революции.

Силы были неравны. Это стало ясным уже при первом решительном столкновении. Сразу обнаружилось у парижан отсутствие плана и организации, недостаток связи, учета сил, дисциплинированность и неопытность бойцов. К этому нужно еще прибавить, что главное командование попадало в руки неспособных людей, а отдельными отрядами командовали нередко люди совсем невоенные, хорошие революционеры и отчаянные храбрцы, которые умели воодушевить своих солдат и бросить их порывом на врага, но не могли хорошо руководить ими во время длительного боя. Между главнокомандующим, Центральным Комитетом национальной гвардии, Комитетом артиллерии и советами легионов происходили постоянные трения из-за того, что обязанности их не были разграничены. Положение еще осложнялось обилием шпионов и предателей среди офицеров национальной гвардии, которые всюду, где могли, старались вредить делу революции. Ошибки и неудачи следовали одна за другой роковою цепью, приведшей в конце-концов, версальцев к воротам Парижа.

В первый же день парижане позорно прогнали Мон-Вальерен, грозный форт, командовавший над дорогой из Парижа в Версаль.

Когда войска Тьера снова заняли его, нужно было прежде всего выбить их оттуда. Этого не было сказано, и 4 апреля, когда национальные гвардейцы двинулись на Версаль, они попали под жестокий обстрел форта. Самая вылазка на Версаль была плохо подготовлена и проведена без всякого плана. Отдельные отряды не сохранили между собою связи и дали себя окружить версальцам; на огонь многочисленной артиллерии врага парижанам нечем было ответить; у Бержера, командовавшего правым крылом, было всего

три пушки, у Дюваля на левом крыле — одной. А между тем в Париже было до 2.000 пушек.

Так же, как и наступление, плохо была организована и оборона. Париж — мощную крепость с сильными фортами и при умелой организации обороны можно было сделать неприступным. Нужно было исправить укрепления, поставить на них орудия, соорудить в городе двойную, тройную линию сильных баррикад, укрепить внутренние опорные пункты (Монмартр, Пантеон, Шомон, Пашез и др.), учесть и распределить защитников, организовать сторожевую охрану и т. д.

Все это делалось или плохо, или не делалось совсем. На ряду с величайшим героизмом мы видим величайшую беспечность и полную военную беспомощность.

Мы знаем, что в день вступления версальцев в Париж ворота Сен-Клу оставлены были без охраны... Монмартр молчал, потому, что пушки лежали заржавленные без нафетов. И наконец в то время, когда густые колонны версальцев двигались по улицам Парижа национальные гвардейцы, вместо того, чтобы устремиться к передовым линиям и дать отпор врагу всею своею массою, разбрелись по своим кварталам, чтобы защищать свои уллицы, свой дом. И версальцы разбили коммунаров по частям.

В 1871 г. регулярный солдат Тьера победил партизана Коммуны. Но в 1918 г. живая, выпавшее из мертвых руки национальной гвардейца, поднял красноармеец.

И уже не два месяца, а больше трех лет охраняемая его твердой рукой живет Коммуна Р. С. Ф. С. Р.

Красная армия — ее защитница не слабеет, а крепнет, не распадается, а сплачивается, уменьшается, а растет под ударами классового врага.

Красная армия — подлинная вооруженная рука пролетариата, осознавшего себя, своей цели, свои интересы и твердым шагом идущего вперед к победе.

Октябрьская революция бросила в пылающий горн гражданской войны две боевые силы — старую армию, восставшую против генералов и помещиков, и красную гвардию, поднявшуюся против фабрикантов и выгнавшая из них Красную армию — грозу фабрикантов, помещиков и генералов. Красная армия взяла у старой армии и Красной гвардии лучшее, что у них было: у первой — стройную организацию и военную выучку, у второй — классовый состав.

Она — в одно и то же время и регулярная и классовая армия.

Этим она сильна. В этом ее огромное преимущество перед национальной гвардией.

Ошибка Парижской Коммуны не повторила Коммуна Р. С. Ф. С. Р., и судьба ее будет иная.

Но будем помнить: эту судьбу мы обязаны коммунарам Парижа.

На ошибках побежденных парижских коммунаров мы учились и научились побеждать.

Парижская Коммуна умерла, но она расчистила нам путь к новой жизни.

Кровью павших революционеров в Париже удобрена почва нашей революции; их кости — для нас ступени в царство социализма.

Красноармеец — наследник национального гвардейца, склонил сегодня свое боевое знамя перед его прахом!

Н. Горлов.

Последние дни Парижской Коммуны

(Воспоминания очевидца).

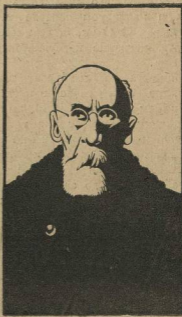
первой половины мая все чаще и чаще приходилось слышать не только от противников Коммуны, но и от преданных защитников ее, что положение дел ее очень тяжелое и что скорая гибель ее неизбежна. Борьба партий внутри самой Коммуны

обострялась все более и более и дошла, наконец, до того, что меньшинство нашло себя вынужденным выйти из состава Коммуны, отделиться от большинства. В военных делах царил страшный беспорядок, разруха, деморализация. Защитников Коммуны становилось все менее и менее и, в конце-концов, не превышало тридцати тысяч, как тогда говорили и даже писали в газетах.

С другой стороны, Тьер, глава версальского правительства, уплатив Германии часть военной контрибуции, следуемой по мирному договору, получил согласие Бисмарка на возвращение во Францию из плена значительной армии. Конечно, армия эта была дезорганизована и деморализована, но энергичными усилиями Тьера и маршала Макензена, ставшего во главе ее, она скоро была вся переформирована, вооружена и снабжена всем необходимым и таким образом представляла собою грозную силу, по крайней мере, во сто тысяч штыков. Офицерство ее, в большинстве настроенное банашартистски, горело страстным желанием расправиться с ненавистным ему пролетариатом; солдаты же в главной массе своей были из среды крестьянства тех департаментов, которые постоянно отличались особенным реакционным духом и преданностью Бонапарту.

Вот эта-то армия, находившаяся под командой наполеоновских генералов Валуа, Кленшан, Дуэ, Ладмиро, Дюпрэ, Галифе и пр., постепенно окружала Париж с юга, запада и севера, а немецкая армия в это время занимала все укрепленные места с востока. Таким образом к половине мая весь Париж был окружен кольцом войск и совершенно отрезан от всего мира.

Сам по себе город Париж был опоясан, во-первых, крепостной стеной, сооруженной еще в первой половине пятидесятих годов прошлого столетия; во-вторых, с юга, востока и частью севера его защищали ряд фортов и

Михаил Петрович Саннин. (Дрмэн Росс). Известный русский революционер 70-х годов, участник Парижской Коммуны. Живет в Москве.

полевых укреплений (Исси, Ванв, Иври, Венсен, С.-Дени, Мон-Валериен и пр.); с запада же и северо-запада его омывает река Сена и охраняет с этой стороны подступы к Парижу. Как я уже сказал, с востока все укрепленные места были заняты немецкой армией согласно мирному договору, заключенному Бисмарком с Тьером, тогдашним главою французского правительства. Войска Кленшана занимали остальные форты и укрепления, за исключением трюного и большого форта Мон-Валериен, который, вследствие ли измены или благодаря преступной небрежности, халатности одного из командиров Коммуны, еще в марте месяце остался в руках версальского правительства. Этот несчастный случай впоследствии дорого обошелся Коммуне.

Первые, довольно неопределенные известия о революции 18 марта в Париже получились 21—22 марта в Цюрихе, где я тогда жил. Я тотчас же написал своим друзьям (Вакуину, Гильому и др.) в Ливорно, Женеву, Нейшатель о своем намерении отправиться в Париж. Желавших ехать со мною нашлось трое: два француза и один немец. Все мы условились собраться в Нейшателе у Гильона, а оттуда двинуться в Париж, до приезде куда я, спустя несколько дней, перебрался в квартиру Петра Лавровича Лаврова, который дней через пять после моего приезда уехал в Лондон. Во все время существования Коммуны Лавров прожил в Лондоне и в Брюсселе. Парижская квартира его находилась в округе Батиньоль, в маленьком переулке, выходящем на бульвар С.-Оуэн, и, если мне не изменяет память, название переулка было «Пас-саж С.-Оуэн».

Теперь я постараюсь изобразить топографию местности, где мне пришлось в последней раз быть с оружием в руках защитником Коммуны.

Округ Батиньоль имеет вид треугольника, одна сторона которого, лежащая на юге, образована бульваром де-Курсель и Батиньоль до площади Клиши; другая сторона идет на север от этой площади до авеню С.-Оуэн почти перпендикулярно к этим бульварам и служит границей между округами Батиньоль и Мон-мартр, а третья сторона, с севера замыкающая треугольник, идет вдоль крепостной стены, соединяя начало бульваров и конец авеню С.-Оуэн.

В расстоянии 60—70 сажен от площади Клиши до авеню С.-Оуэн влево отделяется авеню Клиши по направлению на запад и идет почти параллельно бульварам Батиньоль и де-Курсель. Вот в промежутке между авеню

С.-Оуэн и авеню Клиши и находилась квартира Лаврова в переулке, расположенном очень близко от авеню Клиши и идущем параллельно этому авеню. Авеню С.-Оуэн идет от площади Клиши на север, до самой крепостной стены города.

В воскресенье 21 мая во дворце Тюльери состоялся очень большой концерт в пользу вдов и сирот, оставшихся после погибших коммунаров во время гражданской войны. По окончании концерта в зале около 6 часов вечера быстро распространилось известие, что версальские войска проникли в Париж. Около половины мая маршал Мак-Магон, главнокомандующий всеми войсками, установил батарею в 60 орудий под защитою форта Мон-Валериен. Всего же у версальцев в разных местах было расположено до 300 морских и осадных орудий, которые с 20 мая начали бомбардировку укреплений и крепостной стены. С помощью 60-орудийной батареи разрушена была в воскресенье 21 мая, вечером, в юго-западном углу часть стены, опоясывающей Париж. И вот через этот-то пролом и ворвались версальские войска. Вначале они подвигались вперед очень медленно тремя колоннами. Одна колонна двинулась вдоль стены на юг, стремясь занять левую часть города, вторая колонна направилась к триумфальной арке, т.-е. к центру города, а третья пошла на север, тоже вдоль стены, в обход округа Батиньоль. Сопротивление войск Коммуны во всех этих местах было незначительно, потому что всюду их оказалось очень мало, и они отступали во внутрь города, который начал уже покрываться баррикадами.

В мае месяце Коммуна декретировала образование комитета под председательством Гальяра, старшего особого комитета, который должен был создать ряд баррикад в городе и также минировать все стратегические пункты его. Но эта комиссия почти ничего не сделала для защиты Парижа, и версальские войска продвигаясь вперед, не встречали с этой стороны почти никаких препятствий.

Известие о входе версальских войск в Париж довольно медленно распространялось и стало известно всему народу только на другой день с утра.

В понедельник, около 8 часов утра, я по обыкновению пошел купить себе кое-что из съестного. Выйдя на бульвар, тотчас же увидел необычайное скопление народа, местами стоявшего группами и возбужденно обсуждавшего положение дела. Кое-где уже началась постройка баррикад.

В виду того, что булочные и другие лавочки стали быстро закрываться, я поторопился купить себе провизию и отнести ее домой. По дороге я забежал к Елизавете Дмитриевне, которая неподалеку от бульвара С.Оуэн занимала комнату; тут меня встретила ее хозяйка и сказала, что мадам еще вчера поздно вечером оставила квартиру, забрав с собой все свои вещи. С тех пор я не встречался с Елизаветой Дмитриевной, которая после падения Коммуны вернулась в Россию и одно время жила в Красноярске с мужем, судившимся по какому-то уголовному делу и сосланному на поселение. Когда всех нас, политических преступников, содержащихся в семидесяти годах в двух центральных каторжных тюрьмах Харьковской губернии, переводили в Восточную Сибирь тоже на каторгу, она в Красноярске безуспешно пыталась повидаться со мною в тюрьме. Елизавета Дмитриевна во время Коммуны пела усиленную пропаганду и агитацию в Париже среди женщин-работниц, организовывая их в различных округах города.

Отнеся домой провизию, я тотчас же вернулся назад, где присоединился к строящим баррикады, начав выворачивать камни мостовой и укладывать их в известном порядке. К полудню в нашем округе все улицы и переулки покрылись баррикадами и всюду везде на них находились вооруженные люди, их защищавшие; среди последних, главным образом, были федералисты (так назывались войска Коммуны) и только среди них изредка встречались люди в штатском платье. В некоторых местах, в отдаленных улицах и переулках с утра уже завиделась перестрелка с наступающими версальцами (войска Мак-Магона), под

натиском которых коммунары вынуждены были постепенно оставлять там баррикады и подвигаться все ближе и ближе к нам, как к центру сопротивления около округа Батиньоль. Часам к 5—6 вечера перестрелка, постепенно усиливаясь, у нас сильно разгорелась, но, тем не менее, коммунары стойко держались и энергично отражали атаки версальцев. Убитых и раненых у нас было немного, но в то же время к нам постоянно подходили силы небольших группами с баррикад из переулков, которые они вынуждены были оставлять. Версальцы, не ограничиваясь этой перестрелкой и атаками, в то же время значительными силами продвигались вперед вдоль стены города и, таким образом, стремились охватить округ с севера, т. е. зайти в тыл нам.

В сумерки, около 9 часов вечера, перестрелка почти прекратилась, баррикады же бдительно охранялись часовыми. Нам всем штатским, живущим по соседству, было разрешено идти по домам на отдых и вернуться обязательно часам к 5 утра. Из нашего переулка нас было всего три человека и мы все ушли домой. Я сильно усталый, голодный, закоптелый и грязный, прийдя на квартиру, прежде всего обмылся, обчистился, затем, подкрепившись едой и чаем, улегся спать. Сон был очень тревожный, и мне все время снилось, что я стою на баррикаде и стреляю. Вдруг я внезапно проснулся от страшного треска и грохота. В действительности оказалось, что версальцы, обойдя Батиньоль с севера, в разных стратегических местах поставили батареи и начали атаку округа артиллерийским огнем. С вершины же Монмартра, где стояло огромное морское орудие, снятое с какого-то ко-

Полы и буржуи линовали, встречая повозки с телами расстрелянных коммунаров.

рабля еще перед осадою Парижа, начали стрелять по версальским батареям.

Хотя было еще довольно рано, но я, тем не менее, тотчас же выбежал на улицу, т.-е. в свой переулок, с намерением пробраться на свою баррикаду, но оказалось это невозможным потому, что версальцы сильно обстреливали наши баррикады из орудий и под прикрытием их вели энергичную и с большими силами атаку на них. Ружейная стрельба была так сильна, что выйти из переулка не было никакой возможности, и мы все жались на углу, боясь высунуться, и так продолжалось несколько минут, пока одному из нас не прострелили ногу, так что нам двоим пришлось его тащить чуть не на себе. Очень скоро вдоль нашего переулка тоже засвистели пули, что показало жителям его, что баррикада взята версальцами. Коммунары, защищавшие их и оставшиеся в живых и не попавшие в плен, ушли на Монмартр.

Весь вторник я просидел дома в самом отвратительном состоянии, нервы были напряжены до последней степени. С одной стороны, бушевала канонада и ружейная стрельба—шла атака Монмартра, который и взяли в ночь на среду, — а с другой стороны время от времени отдельные выстрелы поблизости, это — расстрелы пленных и жителей; почему-либо показавшихся подозрительными. На другой день, т.-е. в среду, я вышел из дому и увидел разрушенные баррикады, исковерканные мостовые, необрунные трупы расстрелянных, разрушенные дома — ничего еще не успели убрать, а в дальних улицах было уже все прибрано. Встретил также фургоны, наполненные трупами; их свозили и закапывали в парке Монсо, где, как рассказывали жители этой местности, по вечерам собирались около решетки парка и слышали стоны живого зарытых. Ходить было небезопасно, потому что всюду часовые и патрули осматривали, спрашивали, куда, зачем иду, кто я такой, где живу; мало этого, раза два-три даже обыскивали, осматривали руки. Меня спасало только то,

что я иностранец и имел нечто в роде американского паспорта. В одном месте я узнал, что занятая версальцами часть города подвергается повальному обыску и что многие при этом арестовываются. В виду этого я оставил свою квартиру и провел трое суток у Г. Н. Вырубова (известный философ-позитивист, издатель-редактор французского журнала «Позитивная Философия») в квартире и в лазарете, которым он заведывал, как врач.

Со среды или четверга в разных частях города появились пожары, горели различные общественные здания, поджигаемые или коммунарами или версальцами с известными целями. В то же время окна подвальных этажей стали заколачивать досками в виду будто бы того, что женщины-коммунарки (петролейницы) льют в эти окна керосин и зажигают его, — это была клеветническая выдумка версальцев, которые расстреливали без суда женщин, якобы петролейниц.

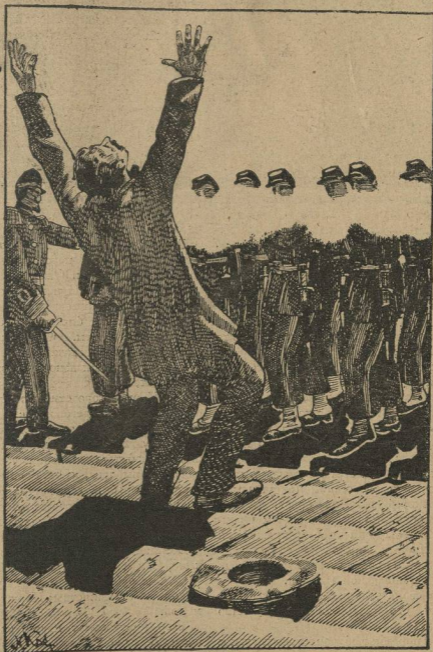
В воскресенье я вернулся на свою квартиру, так как она уже была обыскана, и довольно поверхностно, потому что она принадлежала ученому, временно уехавшему в Англию.

Наконец, с 29-го или 30-го мая появились на стенах города прокламации за подписью Мак-Магона, что порядок в городе восстановлен и что 12-го июня откроется движение по железным дорогам. Я решил воспользоваться этим и уехать немедленно.

2-го июня утром явился на Лионский вокзал, который был совершенно пустой: а в вагоне со мной сидело человек 5—6 и все они, как потом оказалось, подгородные жители. На каждой станции в вагон входили полицейские, осматривали нас, наши вещи, паспорта, расспрашивали, куда едем, почему и т. д. Чтобы избавиться от этого, я на третий или четвертой станции вышел из вагона, взял новый билет в кассе и сел в другой вагон, а при появлении полицейских предъявлял им сначала свой железнодорожный билет, и это удовлетворяло их. На другой день я почти без приключений добрался до Цюриха.

Сажин-Росс

Расстрел.

Он поднялся на пыльные ступени.
 Подошвы жгло от раскаленных плит.
 И за спиной изломанною тенью
 Был перерезан сумрачный гранит.

Пред ним шеренга. Замкнутые лица,
 Прикладов стук и синий отблеск дул.
 А там Париж—подстреленная птица,
 И орли неистовой разгул.

И руки в небо вытянув как струны,
 Он бросил к солнцу свой последний крик:
 — «Коммуна умерла,—да здравствует Коммуна!»...
 И светел стал за дымом скрытый лик.

Н. Хохлов.

МАРТ

18. Революция. Правительство Тьера бежит в Версаль. Власть переходит к Центральному Комитету.

Расстрел солдатами двух генералов—Леконта и Клемана Тома.

19. Городской голова Версаля объявляет о сосредоточении правительственных войск в Версале.

Тьер выпускает прокламацию, коммунары именуются в ней врагами страны и республики, которую они предали пруссакам и монархии.

20. Центральный Комитет приглашает население явиться в свои секции (округа) для производства коммунальных выборов.

Выпущено обращение к провинциям Франции о том, чтобы они присоединялись к восставшему Парижу.

21. Опубликован проект устава вооруженных сил Парижа, национальной гвардии.

Тьер врет в своих телеграммах, рассылаемых по провинции, что «законное правительство овладело положением».

22. Оглашен порядок выборов в коммунальное собрание Парижа.

Чиновники общественного управления призывают вернуться к исполнению обязанностей. Всем, кто не вернется до 25 марта, угрожает увольнение.

24. Исполнительный Комитет зачисляет всех солдат, вернувшихся с фронта и не получивших никакого обеспечения от буржуазии на довольствие, получаемое национальными гвардейцами.

Версальский министр внутренних дел, Пикр, объявляет осадное положение департаментов (провинций) Сены и Оазы.

Выступление в Париже «колонны порядка», организованной приверженцами Тьера, отставными офицерами, биржевыми зайцами и буржуазным охвостом. «Колонна» выступает с пистолетами и кинжалами. Несколько залпов, сделанных национальной гвардией, рассеяли этих воителей.

25. Мэры (городские головы) парижских округов ведут переговоры с Исполнительным Комитетом. Мэры эти—ставленники Тьера, сочувствующие версальцам. Они всячески стараются добиться отсрочки и срыва коммунальных выборов, сперва они просят перенести выборы на середину апреля, затем—на 30 марта.

Отсрочки они не добились; выборы назначены на 26 марта.

Военная власть в Париже поручается Брюнелло, Эду и Дювалю. Все трое не военные.

26. Выборы. Голосуют 229.167 граждан. Огромным большинством Париж объявлен Коммуной.

Тьер приказывает мэрам, из Версаля: «Не продолжайте бесполезного сопротивления. Я занят реорганизацией армии и надеюсь, что скоро у нас будет достаточно сил для освобождения Парижа».

Из 65 членов коммунального совета—50 принадлежат к революционным организациям. Членов Интернационала—17.

27. Торжество на площади Ратуши. Парижское население приветствует Коммуну. Исполнительный Комитет передает ей власть. Сто тысяч национальных гвардейцев—клянутся отдать

жизнь за Коммуну; сотни тысяч голосов граждан подхватывают эту клятву.

29. Коммуна отменяет рекрутские наборы; в ряды национальной гвардии должны вступать все, способные носить оружие.

Декретом отсрочивается взнос квартирной платы хозяевам и продажа вещей, заложенных в ломбардах.

Коммуна избирает Исполнительную Комиссию.

30. Мэры бегут в Версаль.

25.000 служащих в различных учреждениях присылают депутацию Коммуне с заявлением о готовности отдать свои силы на пользу новому порядку и справедливости.

Коммуна устанавливает размеры вознаграждения своим служащим. Самая большая ставка—500 фр. в месяц. Каждый член Коммуны получает 15 фр. в день. Всякое совместительство строго запрещено.

Версаль выпускает прокламацию: «Права собственности священны. Квартиронанимателям не будет прощен ни один франк, ни один сантиметр»

ΑΡΧΗ

1. Тьер объявляет войну. Он сообщает по телеграфу в разные концы о том, что через несколько часов на Париж будут брошены атакующие колонны.

2. Первое вооруженное столкновение,—версальские жандармы и зуавы, с возгласами: «Да здравствует король!» нападают на деревушку Нельи и оттесняют оттуда застигнутых врасплох национальных гвардейцев.

3. Коммуна объявляет, что ответственность за подлое нападение на Нельи ложится лично

на Тьера и его министров. Их имущество подлежит аресту.

Коммуна издает декрет об усыновлении всех детей национальных гвардейцев, павших под Нельи.

Декрет Коммуны об отделении церкви от государства. Церковные имущества объявлены национальной собственностью.

4. Первая вылазка коммунаров. Париж хочет отомстить за Нельи. Против версальцев двинулось 40.000 человек. Они не знали о том, что находившийся на их дороге форт Мон-Валерье уже занят версальцами. С этого форта их осыпали градом снарядов. Это определило судьбу всей вылазки: коммунарам было нанесено жестокое поражение.

Во время вылазки был убит взятый в плен Флуранс и Дюваль.

Версальцы с зверской жестокостью расстреливают пленных, взятых в этом бою.

5. Коммуна принимает декрет, предложенный Делеклюзом,—о том, что за смерть каждого взятого в плен солдата Коммуны отвечают трое заложников.

6. Коммуна закрывает несколько издававшихся в Париже буржуазных газет, занимавшихся агитацией в пользу версальцев. Остается лишь «Век», печатающий явно-провокационные статьи.

7. Исполнительная Комиссия Коммуны предписывает собрать сведения обо всех арестах, произведенных в Париже. Задержанные должны быть или немедленно освобождены или переданы суду.

8. Враги Коммуны стараются всеми средствами посеять панику. Среди ночи раздается по неведомой причине набат; гвардейцы, не зная, кого и когда надо слушать, забывают

Ферре произносит речь на площади у городской ратуши.

о дисциплине. Уполномоченный Коммуны по военным делам, Клюзере, призывает к выдержке, бдительности и спокойствию.

Получены известия о падении двух провинциальных Коммун—в Марсели и Лиможе. Они держались дольше других.—Коммуны в Лионе, Тулузе, Сен-Этьенне, Нарбонне, Гаронне были подавлены еще в конце марта. Генерал Эспиван, взявший Марсель, расстрелял немедленно более 1000 жителей этого города. Причина всех этих поражений в провинции была одинаковая: отсутствие общего плана, отсутствие связи и полная неспособность вождей.

10. Комендантом парижской крепости назначается Домбровский. Исполнительная Комиссия, сообщая об этом, указывает на заслуги Домбровского перед мировой революцией: он был главнокомандующим во время польского восстания, Гарibaldi ценил его, как отличного генерала.

Бурнуазия поздравляет Тьера с победой.

11. Появилось воззвание к женщинам, подписанное группой гражданок Парижа. «Надо покончить со старым миром! Мы хотим свободы! Будем готовы защищать ее и мстить за наших братьев».

Военные успехи Коммуны. Домбровский овладевает Анбером. Отсюда он бомбардирует, при помощи блиндированных поездов, Курбева и мост Нельи. Брат его Владислав захватывает замок Бекон, господствующий над дорогой из Анбера в Курбева.

12. Версальцы делают тщетную попытку отбить замок Бекон.

Декрет о дисциплинарных военных судах.

15. Две тысячи жандармов окружены на острове Гран-Жатт и взяты в плен.

Декрет о передаче всех броненных козлами маскерских кооперативам рабочих.

16. Буржуазная профессура Высшей Медицинской Школы отказалась от чтения лекций. Коммуна приглашает практикующих в Париже врачей на выборы новых профессоров.

17. Версальцы овладевают замком Бекон. 250 коммунаров, протерпевших 6 часов против целой бригады, вынуждены отступить.

18. Домбровский занимает Нельи.

Версальцы овладевают Анбером.

19. Парижская Коммуна призывает Францию «обнаружить свою непреклонную волю и обозоружить Версаль».

25. Пять делегатов назначены Коммуной встречать у воров Парижа женщин и детей, бегущих из захваченных версальцами местностей. Делегаты обязаны заботиться о доставлении пищи и крова беглецам.

МАИ

1. Декрет о безвозмездном возвращении трудящимся вещей из ломбардов.

В Версале собрана армия в 120.000 человек. Она в огромном большинстве состоит из вернувшихся из немецкого плена солдат.

2. Форт Исси оставлен, но в этот же день вновь занят парижанами. Клюзере арестован и обвинен в измене. Впоследствии суд оправдал его, признав лишь неспособным военачальником.

3. Коммуна организует Комитет Общественного Спасения.

На место Клюзере назначается Россель.

8. Пал форт Исси.

9. Россель отказывается от командования и во всех неудачах обвиняет Коммуны, Центральный Комитет и военачальников национальной гвардии. Коммуна постановляет арестовать его, но ему удается скрыться.

12. Арест версальского шпиона Вейссе, который хотел подкупить Домбровского.

13. Версальцы занимают форт Вань. Артиллерия его повернута в сторону Парижа.

Версальцы овладевают Булонским лесом.

Декрет об уничтожении дома Тьера в Париже. На месте этого дома решено разбить общественный сад. Гелье из дома Тьера передается военным госпиталям, предметы искусства—в музей.

Декрет о сдаче драгоценных распятый на монетный двор.

16. Коммуна низвергает Вандомскую колонну—памятник империалистских побед Наполеона. Вандомская площадь переименована в Площадь Интернационала.

21. По знаку шпиона Дюкателя версальцы, вступают в Париж через ворота Сен-Клу

На владѣище Пер-Лаше.

Рис. Сиваррочо.

Тюрьма Батори.

оставленные без охраны. Один из отрядов направляется к северу вдоль крепостной стены, занимает ворота Отейль и двигается к Ля-Мюст. Другой идет берегом Сены и к часу утра проникает на площ. Трокадеро. На юге генерал Сиссэ в полночь захватывает Северские и Версальские ворота.

22. Тревога и набат поднимают на ноги Париж. Коммуна призывает граждан к обороне, и члены ее расходятся по округам для организации защиты и руководства уличной борьбой. Брюннель укрепляет площ. Согласия; воздвигаются баррикады на ул. Сент-Онорэ, на пл. Сент-Огюстен, на бульв. Гаусман.

С утра версальцы начинают наступление. Отряд, двигавшийся вдоль западной городской стены, выходит на аллею Великой Армии в тыл защитникам ворот Майо. Артиллеристы у ворот выпускают в неприятеля последний заряд и через Терн отступают к Батиньоль.

Солдаты генерала Дуэ занимают баррикаду у Триумфальной арки и двигаются к площади Согласия. Брюннель, подпустив их близко, встречает залпами в упор; они не выдерживают и бегут вплоть до дворца промышленности.

Тем временем на левом фланге версальцы, продолжая движение вдоль стены, захватывают ворота Бино, Курсель, Аньер и Клиши, занимают парк Монсо и подступают к Батиньолью. Батиньольцы ждут помощи с Монмартра. Но главная крепость парижан молчит, потому что нет зарядов и пушки не поставлены на лафеты.

На правом берегу Сены солдаты Сиссэ доходят до военной школы улицы Мэн и Мон-

парнасского вокзала. К девяти часам движение версальцев приостановилось ночью. Париж освещен заревом пожаров: горят Тюльери, почетный легион, Государственный Совет, Контроль, министерство финансов.

23. Версальцы начинают канонаду по всей линии. Генерал Кленшан атакует Батиньоль. Здесь версальцев долго задерживает баррикада в ул. Кардина, на которой с яростью сражаются дети. Внезапно ворота Сен-Уэн отворяются и выбрасывают из себя версальцев. Это дивизия Монтодона, которую немцы пропустили через нейтральную полосу. Батиньоль, окруженный с обеих флангов, взят. В 11 ч. утра взято кладбище на Монмартре; версальцы взбираются на высоты и захватывают мэрию. В улице Ровье победители расстреливают 42-х мужчин, трех женщин и четырех детей. Такие же избиения происходят в скверах Батиньоль и в парке Монсо. На баррикадах к югу от кладбища еще идет бой. На площ. Бланш баррикада, защищаемая батальоном женщин, долго держится против солдат Кленшана. Другая баррикада на перекрестке предместья задерживает версальцев до самой ночи.

На другом берегу Варлен останавливает версальцев на перекрестке Круа-Руж и покидает его только тогда, когда пожар и гранаты превращают его в развалины.

В центре Брюннель в течение двух дней отбивает атаки версальцев на баррикаду в ул. Рояль. Дюжина орудий федералистов на террасе Тюльери стойко выдерживает огонь 60-ти пудок, поставленных версальцами на Орсейской набережной, в Пасси, на Марсовом поле и у заставы Этуаль.

Коммуна выпускает воззвание к солдатам версальской армии, призывая их не подчиняться генералам.

К 6-ти ч. вечера версальцы занимают площ. Оперы и доходят до Вандомской площади. Ладмиро подошел к линии Северной ж. д. В руках версальцев половина Парижа.

24. Рано утром версальцы возобновляют наступление и атакуют Лувр, Пале Рояль,

В 4 ч. пал Пантеон. На ул. Сен-Жак расстреляны 40 пленников. На ул. Гей-Люссака убит Рауль Риго.

Во всех кварталах, занятых версальцами, происходят избиения пленных и подозрительных лиц.

В ответ на эти избиения федералистами в тюрьме Ла-Гокетт расстреляны 6 заключенных!

Банк, бульвар Орнано и линию Северной ж. д. К семи ч. утра уже заняты Банк и Биржа.

В 8 ч. федералисты решают очистить Городскую Думу.

Военный Совет и должностные лица через набережную направляются в мэрию 11 округа. В 10 ч. пламя уже вздымается над Каланчей. В полдень версальцы, наступая с левого берега, занимают школу изящных искусств, Институт и Монетный двор. Федералисты очищают остров Нотр-Дам, разрушив префектуру полиции.

25. Борьба сосредоточивается на площ. Бастилии Шато-До и на Бют-о-Кай. Врублевский одну за другой отбивает 4 атаки на Бют-о-Кай и лишь под угрозой окружения дает приказ отступить: федералисты переходят Сену в полном порядке, вывезя все пушки.

Весь левый берег в руках неприятеля.

К 6 ч. вечера площ. Шато-До расстрелена ураганом гранат и пуль. Брюнель ранен. Верморель убит. Делеклюз идет по бульвару Вольтера, поднимается на баррикаду и падает, пораженный осколком ядра.

Версальцы весь вечер ожесточенно бьются у входа на бульв. Вольтера и бесплодно пытаются овладеть Бастилией. Правый фланг федералистов также держится стойко, не давая неприятелю перейти линию Страсбургской ж. д.

26. Версальцы атакуют Бастилию со стороны Венсенского вокзала и бульвара Бомарше. Часть их движется в обход справа и проникает в предместье Сент-Антуан, но здесь встречают ожесточенный отпор. Бастилия держится еще 6 часов. К 2-м часам последние защитники покидают ее, оставив 100 трупов на главной баррикаде. В улице Гаксо, где находится главная квартира федералистов, расстрелено 48 версальских заложников.

К вечеру версальцы занимают линию, которая, начинаясь от боен Виллета, проходит через Сен-Мартен, бульвар Ришар-Ленуар и улицу предместья Сент-Антуан, оканчиваясь у входа в Венсен.

Ночью Бельвиль и Менильмонтан засыпаются гранатами с Монмартра.

27. Версальцы занимают Шомон и атакуют кладбище Пер-Лашез. Пушки за щитников умолкают из-за недостатка снарядов. В 6 ч. после бомбардировки главного входа версальцы врываются на кладбище. Борьба идет на могилах и в склепах до самой темноты.

28. Винуа и Ладмиро ведут свои войска вдоль валов и соединяются у ворот Роменвиля. Федералисты окружены. Спротивление ограничивается маленьким четырехугольником в районе предместья Тампль и Бельвиль. В 11 ч. у федералистов нет уже более пушек. В улицах Тампль, Оберкамф, Сен-Мор, Пармантье все еще идет перестрелка.

Варлен, Ферре, Гамбон, Ранье, Журд до последнего момента бьются на баррикадах.

В полдень с Парижской улицы раздается последний выстрел пушки федералистов. Последнюю взята баррикада в улице Рампоно, которая в продолжение четверти часа защищалась одним федералистом. К часу дня все кончено. Коммуна умерла.

Брулевский.

Рис. Д. Моора.

Текст Н. Славичского.

Мышь пицала в тишине.
Колыхнулась портьера,

И буржуй в глубоком сне
Пред собой увидел Тьера.

— „Это вы?.. Мон шер,
мерси“!..
Тьер казался очень в духе:
— „Там у нас, на небеси,
Про Коммуну ходят слухи.

Коммунаров вы тово с,
По парияскому примеру?»..

Но буржуй повесил нос,
И ответил кисло Тьеру:

— «Где же ваши Вин, а,
Где же ваши генералы?»

Слезы виснут на усах;
На вопрос буржуй ответил:
— «Колчака на небесах
Разве ты еще не встретил?
Да и с прочими—беда,
Всех злодеи расчесали»...

— «Да, тово-с... Не мы, а
на ...
Ущемленный и понурый.
Буржуазный хнычет класс
В дни рабочей диктату-
ры».
И запикал буржуа:
— «Трибуналы да подва-
лы...»

— «Помогло весьма тогда
Нам собрание в Версали».
— «Учредилка?» — злоб-
ный визг,—
— «Где она по свету
рыщет.
Как расшибли дуру
вдрызг,—
Сам Чернов теперь не
сыщет».

От волнения Тьер охрип
И промолвил с видом ша-ым:
— „Но о илить вы могли б
Их банкирским капиталом.

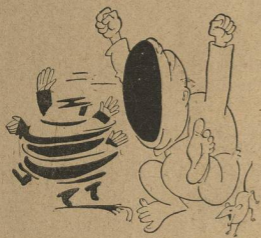
— „Поумнели... Выше! прок!...
Завопит буржуй кипучий.—
Ну, а кто им дал урок?
Кто? Скажи-ка, гад воюющий!

Мы в Париже, в оны дни,
Капитал ва-банк пустили*...
— „Да, пусти-ка, козь она
Банки сразу захватили!
И буржуй тоскливо стал
Исчислять судьбы удары.
Мрачно Тьер проскрежетал:
— „Поумнели... Коммунары“...

Тьер молчит. Буржуй вскочил:
— „Ты, ломая баррикады,
Ты, мерзавец, их учи
Не давать врагу пощады.

Это все—твоя стражня,
От нее не быть мне живу!
Ты упелся, а меня
Дуют пынче в хвост и гриву.

Уходить? Нет, погоди!—
Воскликнул он в листой дрожи—
Сам, к-наля, посади
Ты теперь в буржуйской коже...

Нет, предатель, не пушу:
Местью плаченной пылаю!

Тьер затряса:— «Не хочу»!!!
И убрался к Николаю.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА УМЕРЛА.

С НЕЮ УМЕР I КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ,
НО ПАВШИЕ В БОРЬБЕ КОММУНАРЫ ПАРИЖА ПРОЛОЖИЛИ
ПУТЬ К ПОБЕДЕ НАМ, ЖИВЫМ.

СЛАВА ПАВШИМ!

СЛАВА МЕРТВЕЦАМ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНА Р. С. Ф. С. Р.!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ III КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

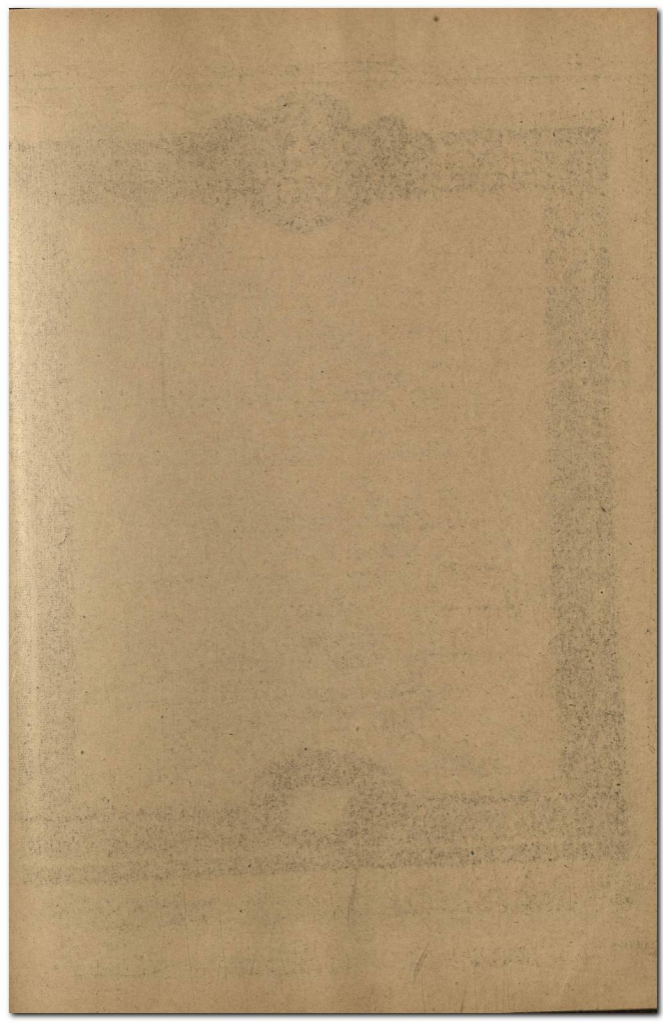
СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
К. Хохлов. 18 марта. Стихотворение	3
И. Ницелин. Парижская Коммуна 1871 года	4
Н. Славинский. Видения. Стихотворение, перевод с немецкого	10
Г. Бергман. Парижская Коммуна и Р. С. Ф. С. Р.	12
Кто были коммунары	14
18 марта. Из Лиссагарэ	15
Коммунары 1871 года	17
Семен Родов. Внук коммуны. Рассказ	28
Н. Горлов. От национальной гвардии — к Красной армии.	35
Сажин-Росс. Последние дни Парижской Коммуны. Воспоминания очевидца.	39
К. Хохлов. Расстрел. Стихотворение	43
Календарь Парижской Коммуны	44
Н. Славинский. Разговор с Гьером. Стих.	51

Рисунок на первой странице обложки изображает памятник коммунарам на кладбище Пер-Лашез.

Обложка, рисунки, виньетки исполнены художниками: **Д. Моором, Н. Когоутом и Сангурским.** Титульный лист работы художника **Б. Звонькина.**

Да здравствует коммуна!